Пьеръ Дюфуръ.

Куртизанки Парижа

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Типо-Лит. К. И. Лингарда СПБ., Коломенская, 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ этой книгой начинается иной міръ. Продажныя женщины Парижа, тутъ уже перерождаются въ *«Куртизанки Парижа»*. Подъ это понятіе подходятъ и милыя гризетки, субретки, лоретки, petite femme be n femme d'asard (случайныя женщины).

Книга «Куртизанки Парижа» близко подходитъ почти до настоящаго времени. Къ слову сказать, немного измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ написана эта книга. Талантливый авторъ глубоко и философски заглянулъ въ душу женщины, въ поискахъ за тѣми причинами разложенія нравовъ, какъ бы желая оправдать женщину въ глазахъ общества.

«Tu l'a vou bu George Dandin» восклицаетъ авторъ: «Ты самъ создалъ себѣ такую женщину» бросаетъ авторъ упрекъ современному мужчинѣ.

И онъ правъ. Кто, какъ не мужчина извратилъ матримоніальныя чувства женщины! Кто, какъ не мы сами требовали отъ женщины наслажденія, одни наслажденія и во что бы то ни стало. Кто-же какъ не мы сдѣлали изъ женщины половую психопатку, не насыщающуюся удовлетвореніемъ своего полового любопытства. Кто-же какъ не мужчина возсталъ противъ беременности, ибо на время это отравляло ему наслажденіе любви. Въ стремленіи сохранить привязанность мужчины, страхъ передъ возможностью быть не интересной для любовника или мужа, женщина стремится ко всякимъ предохранительнымъ средствамъ, къ обортивнымъ лѣкарствамъ и махинаціямъ, женщина сознательно идетъ на преступленіе, угрожающее ей же порою смертью.

И она идетъ на это во имя любви, во имя привязанности, которой всегда отличалась женщина до послѣдняго времени.

Но теперь куртизанки типа «Ключей счастья» и «Санина»—совершенно извратили даже нормальность явленій самихъ вожделѣній. Теперь народились женщины, способныя отдаваться «любя» одновременно тремъ и большему количеству любовниковъ. И такіе нравы воспѣваетъ г-жа Вербицкая, идеализируя то, что П. Дюфуръ признавалъ и констатировалъ лишь какъ печальный фактъ накипа человѣчества.

«Ключи счастья» Вербицкой реальны. Такія женщины встрѣчаются не въ одномъ интеллигентномъ обществѣ, но даже среди простонародья. У Вербицкой то называется «новой струей», «вѣяніемъ души», ну а тамъ просто напросто похотью и развратомъ.

Наверху стараются въ красивыхъ мотивахъ и названіяхъ замаскировать грязную и животную суть, а въ нижнихъ слояхъ того же общества болѣе откровенно. Такая развратница говоритъ просто напросто: «захотѣлось побаловаться, больно милъ онъ»...

Таковы отголоски накипи нашей жизни. Таковы результаты извращенія полового чувства въ цѣль для жизни, какою оно стало для многихъ. И подъ жгучими лучами палящей страсти, извратившейся въ перераздраженную воображеніемъ похотливость, гибнутъ основы нравственнаго начала народовъ, вырождается человѣчество, мельчаетъ интеллектъ, тонутъ какъ въ омутѣ геніальные творцы искусства литературы, государственные люди. И въ этомъ коловоротѣ культура «гибнетъ, давая мѣсто ложному прогрессу».

Таковы общіе выводы П. Дюфури *).

Мрачныя перспективы автора уже начинаютъ сбываться и это очень печально.

Графъ Амори.

---

*) Revue des deux mondes 1903, № 4.

ГЛАВА I.

Оленій паркъ. — Эрмитажъ. — Дѣвица де-Лэнкуръ. Ирландка.—Дѣвица Тирселэнъ.—Учрежденіе Оленьяго парка. — Расточительность - Общество. — Адамовскія празднества.— Кенэ, Вольтеръ, Руссо.—Фамилія Орлеановъ. — Филиппъ Эгалитэ. — Людовикъ XVI. - Марія Антуанетта. — Исторія съ ожерельемъ. — Каліостро. — Сенъ-Жерменъ.—Казанова.—Моды и театръ.—Конецъ XVIII столѣтія.

Пресловутый Оленій паркъ былъ въ царствованіе Людовика XIII просто обнесеннымъ каменной стѣной помѣщеніемъ для оленей, внутри котораго было нѣсколько незначительныхъ строеній для смотрителей. При Людовикѣ XIV онъ сохранялся въ томъ же видѣ даже послѣ перестройки всего дворца. Преемникъ его Людовикъ XV приказалъ выстроить въ самомъ ли паркѣ, или вблизи его—хорошенькую виллу для маркизы Помпадуръ, которая была названа Эрмитажемъ и назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы удалить отъ глазъ придворныхъ слишкомъ ужъ порой разнузданныя развлеченія короля.

Когда король уже порядочно пресытился чарами маркизы и началь жаждать разнообразія (маркиза, къ тому же, заболѣла въ это время), придворные дамы и кавалеры засуетились, стараясь доставить ему желанное разнообразіе.

Однажды одинъ изъ придворныхъ показалъ

королю миніатюрный портретъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, который очень понравился королю, но онъ выразилъ сомнѣніе, чтобъ оригиналъ могъ равняться по красотѣ своему изображенію. Придворный выразилъ готовность доставить оригиналъ—нѣкую дѣвицу де-Лэнкуръ—чтобы король могъ сравнить. Дѣвочка явилась и осталась при дворѣ.

Но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ—главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайней юности фаворитки—король пожелалъ удалить ее отъ взоровъ окружающей толпы; въ виду этого онъ охотно принялъ предложеніе Помпадуръ помѣстить ее въ Эрмитажѣ.

Какъ и для всѣхъ, для маркизы не осталась тайной связь съ этой дѣвочкой; но она не показывала виду и не обнаруживала никакого неудовольствія. Въ сущности, она была даже очень довольна тѣмъ, что измѣнчивый вкусъ Людовика принялъ такое, не особенно опасное для ея положенія, направленіе и рѣшила даже содѣйствовать въ будущемъ этой склонности его къ молоденькимъ дѣвочкамъ.

Дѣвица де Лэнкуръ была помѣщена въ Эрмитажѣ, нѣсколько мѣсяцевъ король увлекался ею, она даже родила отъ него сына, затѣмъ онъ выдалъ ее замужъ за одного дворянина, который взялъ съ благодарностью въ супруги любовницу короля.

Ея преемницей была дѣвочка такого же возраста, дочь одного сосланнаго во Францію ирландца, которую, по наущенію Помпадуръ, хитростью соблазнила и заманила сюда ее собственная мать. Ее постигла почти точно такая же участь, какъ и ея предшественницу.

За этой потянулся длинный рядъ жертвъ

ровесницъ. Нѣкая дѣвица Тирселенъ была приведена въ Эрмитажъ 9-ти лѣтъ отъ роду и была отдана въ жертву чувственности короля даже не достигнувъ того возраста, на которомъ настаивалъ ея отецъ. Съ этимъ ребенкомъ «Возлюбленный» поступилъ впослѣдствіи особенно дурно.

Маркиза смотрѣла съ чувствомъ удовлетворенія на эти забавы Людовика и дѣлала все, что отъ нея зависѣло, для поощренія ихъ. Первоначально эти дѣвочки—вѣрнѣе, дѣти—доставлялись въ Эрмитажъ по одной и, когда она забеременѣвала или просто переставала нравиться, она замѣнялась другой. Съ теченіемъ же времени маркиза напала на мысль завести цѣлый сераль юныхъ красавицъ и для этой цѣли она приспособила Оленій паркъ.

Мало по малу сераль составился изъ множества молоденькихъ дѣвочекъ дворянскихъ и мѣщанскихъ семействъ, которыхъ вербовали поставщики предметовъ развлеченій его величества во всѣхъ углахъ столицы и провинцій, съ помощью тайныхъ агентовъ, шнырявшихъ повсюду въ поискахъ за хорошенькими дѣвочками. Это увеселительное заведеніе такъ разрослось со-временемъ, что монархъ почелъ за нужное повелѣть выработать уставъ его внутренняго распорядка и назначилъ для этой цѣли штатъ чиновниковъ, функціи которыхъ были точно опредѣлены.

Едва придворные провѣдали о существованіи и цѣли этого заведенія, всѣ наперерывъ стали домогаться руководительства имъ. Но король передалъ управленіе имъ своему камердинеру, Лебелю, подъ верховнымъ контролемъ министра графа Сенъ-Флорентэна.

Тѣмъ не менѣе, Эрмитажъ былъ выдѣленъ

въ особое вѣдомство, подлежащее управленію одного бывшаго маіора, какъ бы военнаго начальника заведенія, которому было присвоено шутливое прозвище, «оленьей самки». Его обязанности состояли въ томъ, чтобы воспрепятствовать проникновенію въ сераль молодыхъ людей. Стража, обслуживавшая Оленій паркъ, обязана была повиноваться его распоряженіямъ. За свою службу онъ получалъ 12 тысячъ ливровъ годового оклада.

Облеченная полномочіями оберъ-интендантши, дама вѣдала высшій надзоръ надо всѣмъ заведеніемъ. Она царствовала въ Эрмитажѣ съ неограниченной властью. Она регулировала расходы, слѣдила за сохраненіемъ порядка, за тѣмъ, чтобы молодые дѣвушки проводили время надлежащимъ образомъ и не посѣщали бы другъ друга.

Первой такой начальницей и предсѣдательницей была бывшая игуменья. Въ Оленьемъ паркѣ она была извѣстна подъ именемъ «Мадамъ». Наряду съ «мадамъ», были двѣ помощницы-смотрительницы. Онѣ должны были быть компаньонками дѣвушекъ, болѣе взрослыхъ, попадавшихъ только мимоходомъ и ненадолго въ заведеніе.

Кромѣ нихъ штатъ состоялъ изъ десятка-полутора камеристокъ-надзирательницъ и многочисленной прислуги обоего пола. Мужская прислуга состояла, правда, не изъ евнуховъ, но сплошь изъ стариковъ и безобразныхъ. Оплачивались они очень хорошо, но въ случаѣ болтливости платились пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Находившіяся здѣсь «воспитанницы», какъ ихъ называли, были всѣ въ возрастѣ между 9-ю и 18-ю годами и обучались здѣсь танцамъ

и прочимъ, необходимымъ въ обществѣ предметамъ. До пятнадцатаго года имъ не сообщали названіе мѣста, въ которомъ онѣ жили. Съ этого возраста это переставало быть тайной для нихъ, но прилагались всѣ старанія къ тому, чтобы скрыть отъ нихъ, что онѣ предназначались для сношеній съ королемъ.

Ихъ увѣряли въ томъ, что онѣ находятся въ плѣну,—такъ же какъ и ихъ семейства; то— что онѣ содержатся взаперти по приказанію очень богатаго любовника ихъ. Одна полагала что принадлежитъ одному нѣмецкому князю, другая—англійскому герцогу.

Если какая-нибудь узнавала больше отъ своей предшественницы или какимъ-нибудь инымъ случайнымъ путемъ, и смотрительницы пронюхивали объ этомъ, — то эта дѣвушка удалялась изъ Эрмитажа. Ее заточали въ монастырь, или же, если она оказывалась беременной, выдавали ее замужъ.

Дѣвушки изъ дворянскихъ семействъ пользовались особымъ уходомъ и вниманіемъ. Ихъ прислуга носила зеленыя ливреи,—въ отличіе отъ сѣрой формы, полагавшейся прислугѣ дѣвушекъ изъ средняго класса.

Очень крупную роль въ Оленьемъ паркѣ играла «мать-Бомпаръ» главная поставщица заведенія, пользовавшаяся доступомъ и благожелательностью при дворѣ и въ обществѣ.

Изъ всего этого видно, что «Оленьему парку» старались придать до извѣстной степени внѣшность женскаго учебнаго заведенія,—и находилось даже много людей, отдававшихъ сюда добровольно близкихъ имъ дѣвочекъ хотя назначеніе этого учрежденія было общеизвѣстно.

Оленій паркъ поглощалъ колоссальныя суммы;

такъ какъ не только штатъ чиновниковъ и служащихъ получалъ щедрые оклады, не только содержаніе «воспитанницъ» требовало крупныхъ расходовъ, но и семьи ихъ получали извѣстныя суммы и, вдобавокъ, не малыя суммы затрачивались на подарки, на приданное при выдачѣ замужъ, на обезпеченіе рождавшихся здѣсь дѣтей, на вознагражденіе посредникамъ и многое подобное.

Это позорное хозяйство Оленьяго парка длилась 34 года и поглотило, какъ говорятъ, около 200 милліоновъ ливровъ.

Людовикъ XV, при всей расточительности, былъ очень религіозенъ. Онъ усердно молился въ церкви и былъ оченъ озабоченъ тѣмъ, чтобы при воспитаніи дѣвочекъ не пренебрегали религіей. Крайне интересно, что обладая красивымъ почеркомъ, Людовикъ собственноручно изготовлялъ прописи для «воспитанницъ». Такимъ образомъ могло случаться, что у нѣкоторыхъ изъ дѣвочекъ формировался тотъ же почеркъ что у короля Франціи.

Когда надлежало представить ему какую нибудь изъ дѣвочекъ, онъ велѣлъ приводить ее въ одну изъ маленькихъ комнатокъ Версальскаго дворца, гдѣ часто проводилъ съ дѣвочкой весь день. Иногда ему нравилось одѣвать, шнуровать ее, заниматься съ ней какимъ-нибудь учебнымъ предметомъ.

Когда дѣвочка забеременѣвала, ее увозили въ одно изъ приспособленныхъ для подобныхъ цѣлей заведеній въ Сенъ-Клу, въ Пасси и т. п. Все должно было совершаться въ такихъ случаяхъ въ величайшей тайнѣ, такъ какъ Людовикъ крайне дорожилъ сохраненіемъ своего инкогнито.

Часто дѣвочку увѣряли въ томъ, что госпо-

динъ, съ которымъ она состоитъ въ связи— польскій дворянинъ, желающій сохранить свои любовныя дѣла въ тайнѣ отъ королевы. То, что дворянинъ оказывался большей частью польскимъ, легко объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что королева была дочерью бывшаго короля.

Трудно выразить, до чего это гнусное учрежденіе было гибельно для нравственности этой эпохи. Оно было истинной бездонной пропастью проституціи, въ которую кучами бросались молодыя дѣвушки разныхъ сословій—а сослуживъ свою позорную службу, возвращаясь въ общество, онѣ приносили туда съ собой привитую имъ склонность къ разврату и всякимъ порокамъ, которымъ научились въ этой школѣ растлѣнія.

Знатные мужчины того времени, окружавшіе монарха раболѣпной лестью и старавшіеся брать его образцомъ для себя во всемъ, съ необычайнымъ усердіемъ подражали сатурналіямъ Людовика. Во всей своей силѣ сохранилась вся разнузданность времени регентства и roués обрѣли преемниковъ и подражателей.

Нельзя было найти ни одного знатнаго господина, у котораго не было бы своего «маленькаго домика». Высокопоставленныя дамы не гнушались сходиться на ночныхъ попойкахъ съ публичными женщинами. Эти мессалины соперничали въ развращенности съ «дѣвами радости» и по справедливости заслуживали прозвища «грязныхъ», присвоеннаго тогда всѣмъ любовницамъ низшаго сорта.

Вся картина времени регентства повторилась сполна, смягчился только нѣсколько общій тонъ ея. Очень моднымъ былъ въ это время англійскій языкъ, но это отнюдь не означало пристра-

стія къ языку британцевъ, а только потребность въ рѣзкихъ и точныхъ выраженіяхъ, ничего не скрывавшихъ и не маскировавшихъ.

«Адамовскія празднества» времени регентства также еще сильнѣе развились и распространились; названіе это отнюдь не выражаетъ собой райской невинности участниковъ празднествъ, а только ихъ райскую наготу.

И какъ всегда, рука объ руку съ проституированіемъ тѣла шло проституированіе души: понятія о стыдѣ, о чести, о приличіи исчезали отъ вышучиванія и осмѣиванія; мужчины, носившія лучшія имена, охотно давали ихъ не только любовницамъ короля, но и завѣдомымъ публичнымъ женщинамъ, на которыхъ женились, если только къ тому представлялась какая-нибудь матеріальная выгода.

Было бы, однако, ошибочно думать, что все общество было чуждо нравственныхъ побужденій и что въ водоворотѣ чувственныхъ наслажденій и въ чаду оргіазма погибло все серьезное и чистое. При томъ же дворѣ Людовикъ XV, какъ ни былъ онъ испорченъ въ порокѣ, мы видимъ серьезно работающую подъ руководствомъ лейбъ-медика Кенэ политико-экономическую школу физіократовъ, проекты земельныхъ реформъ которой вновь вынырнули на свѣтъ къ концу XIX столѣтія; мы слышимъ полныя насмѣшливаго отрицанія все разлагающія слова Вольтера и его приверженцевъ, слышимъ гремящія, какъ раскаты грома, рѣчи Руссо и его школы, явившіяся основнымъ мотивомъ послѣдующей кровавой революціи.

Герцогъ Ришелье былъ, пожалуй, наихудшимъ изъ развратниковъ своей развратной эпохи. Его стараніями сдѣлалось модой — видѣть честь въ безчестіи. На 84-мъ году жизни этотъ герой

женился въ третій разъ и увѣрялъ, что не по его винѣ этотъ бракъ остался бездѣтнымъ. Чтобы имѣть болѣе свѣжій видъ, онъ обкладывалъ себѣ на ночь щеки кусками телятины, за что и получилъ прозвище vieux bouqin relié en veau (старая книга—также: старый козелъ — переплетенная въ телячью кожу—также: привязанный къ телятинѣ).

Другой герой, принцъ Конти, бралъ у каждой своей дамы на память кольцо или шкатулочку— и оставилъ послѣ смерти 800 шкатулокъ и 400 колецъ съ добросовѣстно-прописанными на каждой вещи именами дарившихъ дамъ.

Людовикъ Филиппъ Орлеанскій—сынъ регента, родившійся въ 1703 году, чудеснымъ образомъ остался совершенно чуждъ разнузданнымъ нравамъ своего времени, въ которомъ принимали такое замѣтное участіе всѣ члены его семьи. Онъ жилъ тихой и уединенной жизнью, всецѣло посвятивъ себя научнымъ занятіямъ. Но порочныя свойства регента вновь сказались какъ въ его дочеряхъ, такъ и въ его внукѣ, а также въ супругѣ его, умершей въ 1755 году—урожденной Луизѣ—Генріэттѣ Бурбонъ-Конти—наглой и безстыдной мессалинѣ, не гнушавшейся дѣлить свое ложе съ своими собственными слугами.

Сынъ ея, Филиппъ, родившійся въ 1747 году, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Филиппа Эгалитэ, самъ воскликнулъ однажды: «Я—сынъ кучера моей матери!» Дѣтство его не было отмѣчено ничѣмъ особеннымъ: съ очень раннихъ лѣтъ онъ всецѣло пошелъ по стопамъ своихъ предковъ, такъ что уже въ такомъ возрастѣ, когда его можно было назвать еще мальчикомъ, онъ проводилъ дни и ночи въ разгулѣ, попойкахъ и распутствѣ.

Онъ самъ старался разглашать все безобразіе и весь позоръ своей жизни и, увлекая за собой въ пропасть разврата всю праздную придворную молодежь, оказывать гибельнѣйшее вліяніе на нравы своей эпохи. Онъ завелъ въ своемъ дворцѣ нѣсколько сералей, въ которыхъ предавался самому низкопробному разгулу чувственности. Его оргіи съ участіемъ мадамъ Жанлисъ заслужили историческую извѣстность. Онъ былъ алченъ, жаденъ до почестей, нахаленъ. Игралъ онъ, какъ шулеръ и вообще имѣлъ такую репутацію, что однажды, когда онъ появился при дворѣ, вокругъ раздался шопотъ: «Герцогъ Орлеанскій здѣсь. Побережемте наши часы»...

Людовикъ XVI родился въ 1754 году и на престолъ взошелъ въ 1774 году, послѣ смерти своего дѣда Людовика XV. Въ какомъ состояніи онъ засталъ страну и населеніе — достаточно можно представить себѣ изъ всего изложеннаго. Къ этому надо прибавить еще, что ропотъ народа, изъ котораго вытянули всѣ соки, становился все громче и громче, и цѣлый рядъ неурожаевъ довелъ бѣдственное состояніе его до крайности.

Состояніе нравовъ въ царствованіе Людовика XVI въ общемъ было немногимъ лучше, чѣмъ при его предшественникахъ, хотя слѣдуетъ отдать ему справедливость, что онъ лично былъ почти чуждъ той чудовищной чувственности, которой отличался его дѣдъ. Ему приписываютъ даже поразительное равнодушіе къ женскому полу, которое будто бы нарушало, въ первые годы его брака, добрыя супружескія отношенія его съ Маріей Антуанеттой.

Но глубоко испорченные нравы двора и другихъ круговъ остались почти неизмѣнными; да

подобныя состоянія нелегко поддаются измѣненію, особенно когда во главѣ государства стоитъ такой слабохарактерный человѣкъ, какимъ былъ Людовикъ. Тяжкія обвиненія раздавались даже противъ брата короля и противъ самой королевы—справедливы ли они были, или нѣтъ, не вполнѣ выяснено до сихъ поръ.

Появлялись и сатиры—какъ напримѣръ, поэма «Восходъ солнца»—въ которыхъ королевѣ приписывались рѣзкіе безнравственные поступки. Одно можно, повидимому, считать несомнѣннымъ: что въ общемъ Марія Антуанетта не обнаруживала той сдержанности и той суровой безупречности въ образѣ жизни, которой требуютъ и можно требовать отъ первой женщины въ странѣ.

Императоръ Іосифъ II нѣсколько разъ посылалъ упреки своей сестрѣ Маріи Антуанеттѣ за ея поведеніе. Въ 1784 году, когда еще не выяснилось, на чьей сторонѣ станетъ Франція въ недоразумѣніяхъ между Австріей и Нидерландами по вопросу торговли, въ Парижѣ ходила по рукамъ слѣдующая эпиграмма, непереводимая по злой и остроумной игрѣ словъ:

Quand au Ministre on demande.
Des nouvelles de la Hollande.—
Je dit tout bas:
La Reine vent, qu'on exerce
Libre commerce
Aux Pays—bas!..

Ничего не можетъ быть характернѣе для положенія дѣлъ въ царствованіе Людовика XVI и для того мнѣнія, какое было распространено о королевѣ—чѣмъ знаменитая исторія съ ожерельемъ.

Ювелиръ Бемеръ предложилъ королевѣ бриллiантовое ожерелье, которое ей очень хотѣлось купить, но ей пришлось отказать себѣ въ этомъ, такъ какъ королевская касса была, какъ нерѣдко случалось, пуста. Одна изъ придворныхъ дамъ, графиня де-Ламоттъ, провѣдала, что кардиналъ принцъ де-Роганъ влюбленъ въ королеву и рѣшила использовать это обстоятельство въ свою пользу, такъ какъ располагала скудными средствами. Она предложила свои услуги Рогану для передачи его писемъ къ королевѣ и поддѣлывала любезныя отвѣтныя письма, въ которыхъ содержались различныя денежныя требованiя.

Этимъ путемъ Ламоттъ выманила у кардинала мало по малу 120.000 ливровъ а одно изъ первыхъ лицъ въ государствѣ и въ церкви могло допустить, что королева Францiи способна подобнымъ путемъ принимать деньги тайкомъ!

Но Ламоттъ пошла еще дальше. Она объявила кардиналу, что королевѣ очень хотѣлось-бы имѣть вышеупомянутое ожерелье, что она хочетъ купить его безъ вѣдома короля — цѣна за него была назначена въ 1.800.000 ливровъ—и предлагаетъ Рогану купить его, не называя при этомъ имени королевы, отъ своего имени, на что ему будетъ предоставлено полномочiе. Стоимость ожерелья будетъ ему выплачена въ нѣсколько сроковъ втеченiе трехъ мѣсяцевъ. Кардиналу предлагалось смотрѣть на это, какъ на особый знакъ ея довѣрiя.

Кардиналъ согласился на эту комбинацiю, купилъ драгоцѣнное ожерелье, причемъ не соблюлъ потребованнаго отъ него молчанiя, и отнесъ его къ Ламоттъ, гдѣ оно должно было

быть передано въ его присутствіи посланному отъ королевы. Передъ кардиналомъ была сполна разыграна и вся комедія передачи.

Когда наступилъ срокъ перваго взноса и кардиналъ не получилъ денегъ отъ королевы, хитрая графиня сумѣла снова обойти ослѣпленнаго кардинала, передавъ ему желаніе королевы, чтобы онъ пока позаботился взнести деньги за нее, а въ опредѣленный день королева, между 11 и 12 часами ночи будетъ ждать его въ дворцовомъ саду въ Версалѣ, чтобы выразить ему свою благодарность.

Такое свиданіе дѣйствительно состоялось; роль королевы сыграла нанятая графиней для этой цѣли куртизанка Олива, имѣвшая нѣкоторое сходство съ королевой. Благодаря ночной тьмѣ, черному домино, разговору шопотомъ, и «случайному» шуму, быстро и внезапно прервавшему свиданіе,—обманъ удался. Кардиналъ получилъ отъ мнимой королевы розу и золотую шкатулочку и былъ твердо убѣжденъ, что видѣлъ передъ собой королеву и отъ нея выслушалъ обѣщанія скорой высшей жертвы любви.

Быть можетъ, графинѣ удалось бы дольше протянуть свое мошенничество, но оно обнаружилось при наступленіи слѣдующаго срока уплаты. Кардиналъ сообразилъ, что онъ обманутъ, но онъ былъ арестованъ такъ же, какъ и графиня. Послѣдовавшій процессъ окончился для кардинала оправданіемъ, Ламоттъ же была осуждена.

Что всего поразительнѣе во всей этой поразительной исторіи,—это то, что Роганъ могъ допустить возможность всего того, чѣмъ его морочили; а находились люди—и даже при самомъ дворѣ—считавшіе и послѣ процесса все

это мошенничество фактомъ и увѣренные, что и процессъ, и наказаніе графини было просто подстроено для отвода глазъ отъ обнаруженной проституціи королевы.

Въ этомъ дѣлѣ съ ожерельемъ сыгралъ, впрочемъ, не очень похвальную роль и извѣстный искатель приключеній Калюстро. Каліостро, настоящее имя котораго было Джузеппе Бальзамо, родился въ 1743 году въ Палермо, и слонялся по всей Европѣ, занимаясь то знахарствомъ, то добываніемъ золота, какъ алхимикъ, то массонствомъ—и всюду производилъ шумную сенсацію. Въ Парижѣ онъ достигъ апогея удачи и счастья, но потерпѣлъ затѣмъ полное крушеніе вслѣдствіе соучастія въ томъ же мошенничествѣ.

Другой искатель приключеній той же эпохи особенно благопріятной для такого сорта личностей, былъ графъ Сенъ-Жермэнъ, занимавшійся преимущественно алхиміей. Онъ также производилъ большой шумъ въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что онъ окружалъ себя таинственностью и говорилъ о лицахъ, умершихъ за много столѣтій назадъ, какъ о своихъ современникахъ. Само собой разумѣется, что между ними и представительницами проституціи существовали интимныя отношенія.

Прославившійся своей безнравственностью Казанова занимаетъ третье мѣсто въ этой группѣ. Онъ также жилъ нѣкоторое время во Франціи и соприкасался съ двумя названными выше. Его мемуары, небезъизвѣстные въ эротической литературѣ, представляютъ, правда, интересъ и значеніе въ исторіи нравовъ, но для исторіи они представляютъ мало матеріала, такъ какъ половыя излишества представляютъ въ ней интересъ

лишь настолько, насколько они касаются продажности тѣла.

Правда, фаворитизму мы отводили очень много мѣста и могли какъ будто подать этимъ поводъ для упрека; но упрекъ былъ бы несправедливъ. Можно и должно согласиться, что не всякая любовница можетъ быть причислена къ проституткамъ, но въ большинствѣ случаевъ это такъ все же, ибо въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ все же о большей или меньшей продажности, а это главнѣйшій типичный признакъ проституціи.

Такъ же несправедливъ былъ бы упрекъ въ томъ, что мы отводили нѣкоторое мѣсто модѣ и театру. Разумѣется, подробное изученіе этихъ явленій умѣстно только въ исторіи культуры; но извѣстной связи этихъ явленій съ явленіями проституціи отрицать нельзя, а слѣдовательно, нельзя и не упомянуть о нихъ въ нѣсколькихъ словахъ, излагая исторію проституціи той или иной страны или эпохи.

При Людовикѣ XVI мода во Франціи обнаруживала ту же склонность къ роскоши и ту же изнѣженность, которыми отличалась вся культурная жизнь этой эпохи. Одежда мужчинъ стала щеголеватѣе и изящнѣе по фасону, сапоги замѣнились ботинками, появились шелковые камзолы и панталоны, чулки и башмаки съ пряжками, парики и косы. Въ дамскомъ туалетѣ—высоко взбитыя прически, платья изъ болѣе дорогихъ матеріаловъ, обиліе отдѣлокъ изъ кружевъ и вышивокъ, изящныя на высокихъ каблукахъ ботинки, румяна, пудра и мушки.

Что легкомысленная, жаждущая перемѣнъ и склонная къ расточительности проституція всегда была, есть и будетъ падка на роскошь и моду—

это безспорно и общеизвѣстно. Было бы, однако, несправедливо сказать, что въ эту эпоху покрой платья отличался особеннымъ безстыдствомъ,— наоборотъ, очень часто онъ былъ гораздо сдержаннѣе и скромнѣе, чѣмъ была когда-либо за всю свою жизнь носившая его.

Французскій театръ также не шелъ въ ногу съ развращенностью общества той эпохи. Онъ особенно пышно расцвѣлъ въ XVII и XVIII столѣтіи и отличался такой серьезностью, какой трудно было ожидать отъ вкуса того легкомысленнаго общества. Зато женщины-артистки отнюдь не отличались строгой нравственностью и, благодаря замѣтности своего положенія, сильно способствовали развитію проституціи.

Людовикъ XVI былъ слабохарактерный правитель, но было бы несправедливо разсматривать событія его царствованія, какъ слѣдствія его слабохарактерности. Неправильно также обычное разсужденіе о томъ, что Людовикъ XVI искупилъ грѣхи своихъ предковъ. Всякая эпоха имѣетъ свое прошлое, всякое поколѣніе является наслѣдникомъ своего предшественника и приноситъ свое наслѣдство изъ ошибокъ, грѣховъ и пороковъ, какъ и изъ добрыхъ свойствъ. Еще въ царствованіе Людовика XV намѣчались серьезныя событія: рано или поздно онѣ должны были завершить кругъ своего развитія—и этотъ процессъ не властенъ былъ бы остановить и человѣкъ болѣе сильной воли, чѣмъ былъ Людовикъ XVI.

Не малую роль сыграли въ этой трагедіи испорченные въ корень ихъ нравы и ихъ яркое проявленіе—проституція. Финансовое положеніе страны было таково, что правительство вынуждено было издать особый приказъ объ отсрочкѣ всѣхъ платежей. Придворные широко пользовались этой

льготой, нерѣдко прибѣгая къ ней при разсчетѣ за доказательства благосклонности актрисъ и дѣлая огромныя долги.

Графъ д'А., очарованный артисткой Theatre francais m-lle Конта, пожелалъ познакомиться съ ней тотчасъ-же послѣ ея дебюта-Актриса приняла его съ притворнымъ смущеніемъ и огорченіемъ. Графъ освѣдомился о причинѣ, и та, послѣ долгаго притворнаго колебанія, созналась, что ей предстоитъ немедленная уплата долга въ 50.000 ливровъ, которыхъ у нея нѣтъ. На каминѣ оказалось и предусмотрительно заготовленное письмо кредитора. Графъ прочелъ и сказалъ: «эта бездѣльница васъ безпокоитъ? Я это устрою». M-lle Конта была обрадована и отблагодарила графа не одними словами.

Когда онъ черезъ нѣсколько времени снова посѣтилъ ее, онъ спросилъ: «Итакъ, ваше дѣло улажено»?—«Въ первый разъ слышу!» воскликнула актриса, ожидавшая, что онъ выдастъ 50 тысячъ ей или посвященному въ ея планъ подставному кредитору.—«Неужели?»—спросилъ съ изумленіемъ графъ. «Развѣ Амело (министръ) не прислалъ вамъ приказа объ отсрочкѣ? Завтра онъ будетъ вамъ доставленъ». Она его дѣйствительно получила, но для нея онъ былъ, конечно, безполезенъ. Полученный урокъ побудилъ M-lle Конта требовать отнынѣ уплаты впередъ. Плату она установила, говорятъ, въ 100 луидоровъ за вечеръ и нашла немало любовниковъ.

Герцогъ де-Ж., безобразной наружности и весь въ долгахъ, узналъ, что m-lle Жонвилль, оперная пѣвица, обременена большими долгами; онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ какъ благопріятнымъ случаемъ, въ разсчетѣ на то, что она ради денегъ не замѣтитъ его безобразія.

Онъ обѣщалъ ей тысячу луидоровъ въ мѣсяцъ. Предложеніе было съ восторгомъ принято и онъ вступилъ во владѣніе. Затѣмъ, онъ велѣлъ кредиторамъ m-lle Жонвилль, явиться къ себѣ, разсмотрѣлъ ихъ документы, нашелъ суммы чудовищными и заставилъ кредиторовъ, понадѣявшихся на немедленную уплату, сбавить долгъ.

Соглашеніе состоялось на суммѣ въ тысячу луидоровъ. Когда прошелъ мѣсяцъ, герцогъ послалъ m-lle Жонвилль удостовѣреніе въ этомъ соглашеніи въ качествѣ уплаты обѣщанной суммы.

Безчисленное множество подобныхъ примѣровъ можно было бы привести въ доказательство ужасающей деморализаціи той эпохи. У представителей власти моральное банкротство всегда предшествуетъ матеріальному.

Людовикъ XVI былъ казненъ 21 января 1793 года въ Парижѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 16 октября того же года упала и голова королевы Маріи Антуанетты подъ ножомъ гильотины революціоннаго трибунала. Но еще раньше, при разрушеніи Бастиліи въ 1789 году, произошло крушеніе немощнаго XVIII столѣтія,—этого «вѣка философовъ», какъ его называли,—но его съ полнымъ правомъ можно назвать также «безнравственнымъ вѣкомъ», вѣкомъ проституціи.

ГЛАВА II.

Революція. — Красный терроръ. — Видокъ. — Тюрьмы во время террора. — Женщины по время террора. Юношескія замѣтки Бонапарта. — Наполеонъ. — Жозефина. — Наполеонъ I и женщины. — Польское дворянство. — Братья и генералы Наполеона. — Полина. — Реставрація. — Людовикъ XVIII. — Карлъ X. — Іюльская революція. — Теорія Мальтуса. — Сенъ-симонизмъ. — Фурье и его фаланстеріи. — Робертъ Оуенъ. — Этьеннъ Кабе.

Какъ эпоха царствованія Людовика XVI, такъ и революціонные годы первой французской республики характеризуются умственнымъ шатаніемъ и неустойчивостью поступковъ; и тотъ и другой періодъ были моментами одной и той же переходной эпохи. И въ тотъ, и въ другой періодъ первое мѣсто занимали умственныя теченія, связанныя съ именами Вольтера и Руссо,— съ той только разницей, что въ первомъ господствовали идей фернейскаго философа, а во второмъ взяло верхъ болѣе туманное міровоззрѣніе женевца — болѣе, разумѣется, теоретически, чѣмъ практически; иначе это и быть не могло въ обществѣ, зараженномъ культурной гнилостью предыдущей эпохи.

Духомъ Руссо былъ проникнутъ эффектный героизмъ дѣятелей революціи и его же духъ сказался съ жестокой послѣдовательностью въ «крас-

номъ террорѣ». Сознательно и безсознательно здѣсь разыгрывалось служеніе такой добродѣтели и такой морали, которой не было и быть не могло въ обществѣ того времени. Водворилось господство фразы, составляющей и донынѣ существенную составную часть всякой общественности и, быть можетъ, даже неотдѣлимую отъ нея.

Въ революціонный періодъ, въ годы террора, нравственность была не лучше, чѣмъ въ годы монархизма, скорѣе даже хуже еще, такъ какъ страсти разнуздались и неудержимо вырвались на просторъ желанія толпы, прежде сдерживавшіяся плотинами многихъ условій общественности. Подтвержденіе этого представляютъ извѣстныя крайности, связанныя съ провозглашеніемъ «Богини Разума» и подобныхъ откровеній, — точно такъ же, какъ и частная жизнь многихъ вынесенныхъ хлынувшимъ потокомъ на поверхность личностей.

Видокъ, извѣстный впослѣдствіи какъ парижскій полицейскій комиссаръ, былъ арестованъ во время революціи, но его освободила изъ тюрьмы нѣкая дѣвица Шевалье, съ которой онъ еще раньше состоялъ въ связи. Дѣло было въ томъ, что у нея были пріятельскія отношенія съ проконсуломъ Жозефомъ Лебономъ, и она предложила своему протеже Видоку, находившемуся еще въ тюрьмѣ, выборъ между женитьбой и гильотиной. Видокъ выбралъ изъ двухъ золъ меньшее, — и женился на гражданкѣ Шевалье.

Но какая участь ожидала его! Черезъ нѣсколько дней послѣ своей свадьбы ему понадобилось вечеромъ выйти изъ дому. Вернулся онъ только поздно ночью. Прошелъ въ комнату своей жены и—первое, что онъ тамъ увидѣлъ, была

фигура кавалерійскаго офицера, бросившагося бѣжать черезъ окно при его входѣ.

Видокъ бросился въ погоню за нимъ, но поймать его ему не удалось. Ему нетрудно было бы получить удовлетвореніе судебнымъ порядкомъ, но доводить дѣло до этого у него не было охоты, такъ какъ можно было предвидѣть, что этимъ шагомъ онъ возстановилъ бы противъ себя всесильнаго Жозефа Лебсна. И онъ покорился своей судьбѣ.

Но если объ улучшеніи нравовъ вообще въ революціонный періодъ говорить и не приходится, зато проституція въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова не только не прогрессировала, но скорѣе даже ослабѣла. Да и слишкомъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезенъ былъ моментъ, чтобъ могъ процвѣтать профессіональный развратъ.

Въ 1793—1794 годахъ въ Парижѣ насчитывалось однѣхъ тюремъ, не считая арестныхъ домовъ, 41,—въ которыхъ содержалось множество женщинъ. Женщины всегда принимали замѣтное и горячее участіе въ политическихъ движеніяхъ во Франціи. Это можно было наблюдать еще во дни Фронды. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что женщины играли крупную роль и въ великой революціи, обнаруживая при этомъ и недостойные поступки; и высокіе подвиги героизма.

Въ извѣстной книгѣ Оскара Маршалля мы находимъ слѣдующія интересныя замѣтки 18-тилѣтняго Бонапарта:

«Парижъ, четвергъ, 22 ноября 1787 года
Отель Шербургъ, С.-Онорэ.

Я возвращался изъ оперы. Быстрыми шагами ходилъ я взадъ и впередъ подъ деревьями Палэ Ройяль. Душа моя была взволнована свой-

ственными ей пылкими чувствами,—такъ что я не чувствовалъ царившаго холода. Но когда душевная дѣятельность начала затихать, я скоро почувствовалъ сырой осеннiй холодъ и сталъ, чтобы согрѣться, у колоннады.

Какъ разъ въ ту минуту, когда я шагнулъ черезъ рѣшетку, я замѣтилъ невдалекѣ женскую фигуру. Весь видъ ея, ея молодость, позднiй часъ ночи — все говорило о томъ, что предо мной продажная женщина. Она остановилась, но не съ вызывающимъ видомъ, а спокойно и выжидательно. Эта... (слѣдуетъ слово, неразобранное въ рукописи) немножко озадачила меня, ея нерѣшительность ободрила меня.

Я заговорилъ съ ней! Я,—весь проникнутый больше, чѣмъ кто бы то ни было, отвращенiемъ къ ея ремеслу, содрогающiйся при одномъ только взглядѣ... Но блѣдный цвѣтъ ея лица, ея хрупкая фигура, тоненькiй звукъ ея голоса—не позволили мнѣ колебаться ни минуты. Или эта особа можетъ мнѣ послужить полезнымъ объектомъ наблюденiй, — подумалъ я про себя, — или же...

— Вы озябли, сказалъ я, и все таки вамъ хочется погулять подъ деревьями?

— О, сударь, холодъ оказываетъ на меня живительное влiянiе. И надо же мнѣ закончить свой вечеръ.

Равнодушный тонъ, которымъ она произнесла эти слова, и дѣловой характеръ ея отвѣта мнѣ понравились, и я присоединился къ ней.

— Вы, повидимому, хрупкаго здоровья, началъ я снова. Меня удивляетъ, что вы не тяготитесь своей профессiей.

— Чортъ возьми! Надо же что-нибудь дѣлать, сударь.

— Это вѣрно, конечно. Но развѣ не нашлось бы другого заработка, болѣе подходящаго при вашемъ здоровьѣ?

— Не знаю. Надо же жить.

Я обрадовался тому, что она такъ отвѣчаетъ. Это уже былъ безусловно успѣхъ,—такой, какого еще не выпадало на мою долю въ попыткахъ такого рода, которыя я до сихъ поръ дѣлалъ.

— Вы, должно быть, родомъ откуда-нибудь съ сѣвера? Вы совсѣмъ не боитесь холода.

— Я изъ Нанта, сударь, въ Бретани.

— Я хорошо знаю эту мѣстность. Вы должны доставить мнѣ удовольствіе, сударыня, разсказать мнѣ исторію паденія вашей невинности.

— Меня погубилъ одинъ офицеръ.

— Вы отъ этого очень страдаете?

— Конечно, это нетрудно представить себѣ. (Голосъ ея прозвучалъ при этомъ такъ мягко, такъ трогательно, какъ я еще отъ нея не слышалъ). Еще бы! Моя сестра такъ хорошо устроилась, почему же мнѣ не удалось?

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Парижъ?

— Тотъ офицеръ, который меня погубилъ,— котораго я ненавижу, бросилъ меня. Мнѣ пришлось бѣжать отъ гнѣва моей матери. Тутъ подвернулся другой, который увезъ меня въ Парижъ. И онъ покинулъ меня! Третій, съ которымъ я прожила три года, также поступилъ со мной. Хоть онъ и французъ, но поѣхалъ въ Лондонъ по дѣламъ и тамъ и остался. Пойдемте къ вамъ домой, сударь.

— Что жъ мы тамъ будемъ дѣлать?

— Ну, согрѣемся, и вы...

Я былъ далекъ отъ сомнѣній. Я балагурилъ съ ней для того, чтобы она не обратилась въ

бѣгство, когда почувствуетъ себя поставленной въ тупикъ моими рѣчами, въ которыхъ я лицем рно хотѣлъ показать ту скромность, которой впослѣдствіи не обнаружилъ»...

Развѣ эти строки не могли бы быть написаны вчера любымъ юношей, любой цивилизованной страны? И развѣ онѣ не свидѣтельствуютъ о томъ, что путь проституціи былъ въ бурные годы революціи тотъ же, что и теперь? Жизнь Наполеона, наложившаго печать своей могучей личности не только на свою эпоху, но и на все столѣтіе, обильна эротизмомъ, который, за немногими исключеніями, есть ни что иное, какъ проституція.

Строгій судья едва ли согласился бы счесть исключеніемъ даже Жозефину, вдову казненнаго виконта де-Богарнэ и «подругу» Барра̀, бывшую первой супругой многообѣщающаго генерала. Почти всѣ женщины, любовью которыхъ Наполеонъ наслаждался—и замужнія женщины, и актрисы, и придворныя дамы—всѣ безъ различія, если взглянуть на нихъ безпристрастно, были болѣе или менѣе продажными женщинами. За доставляемое ими удовольствіе онѣ требовали платы и Наполеонъ платилъ; при разлукѣ, слѣдовательно, обѣ стороны были квиты.

Какъ мы уже говорили, революціонный періодъ со своимъ краснымъ терроромъ, не былъ нисколько нравственнѣе предшествовавшей эпохи, несмотря на показную добродѣтель и благочестіе,—быть можетъ, былъ даже еще безнравственнѣе, такъ какъ внесъ «равенство» и въ эту область. Не могла похвастать большей нравственностью и имперія со своими деморализирующими войнами. Впрочемъ, и въ другихъ

странахъ состоянiе нравственности было не лучше,—въ иныхъ мѣстахъ даже еще гораздо хуже.

Въ Польшѣ въ это время нельзя было найти ни одного знатнаго человѣка, у котораго не было бы въ обществѣ, кромѣ своей жены, любовницы своего же круга и, вдобавокъ, въ провинцiи одной или нѣсколькихъ содержанокъ. Въ виду этого Наполеонъ имѣлъ репутацiю строгонравственнаго суверена: ведя войны, онъ не тащилъ за собою гарема—это казалось совершенно необычнымъ.

Поведенiе наполеоновскихъ генераловъ отличалось, за немногими исключенiями, развращенностью, но еще хуже слѣдуетъ отозваться о поведенiи его братьевъ, особенно Жерома, короля Вестфальскаго. Что касается его сестры Полины, то памятникомъ ея благопристойности является извѣстная статуя Венеры Кановы, для которой она позировала. Болѣе благопрiятную почву для проституцiи даже найти трудно.

Паденiе Наполеона не принесло Францiи улучшенiя нравовъ, несмотря на ханжество, охватившее тогда всю Европу. Вновь воцарившiеся Бурбоны и старое дворянство изо всѣхъ силъ старались возстановить все попрежнему,—а каково было это прежнее, мы уже знаемъ. «Ничто не измѣнилось во Францiи, однимъ французомъ только больше стало», говорилъ по возвращенiи Людовикъ XVIII—«Louis deux fois neuf», какъ острили веселые и въ несчастiи французы, когда онъ вторично вернулся во Францiю послѣ ста дней (т. е. Людовикъ *дважды IX и дважды новый)*.

Среди всѣхъ окружающихъ онъ былъ, дѣйствительно, самый передовой, что заслужило ему даже насмѣшливое прозвище «якобинца-роялиста». Но съ теченiемъ времени онъ не могъ не

поддаться вліянію окружающихъ, тѣмъ болѣе, что внутренно онъ былъ, въ сущности, согласенъ съ ними и только изъ благоразумія, памятуя о прошломъ, дѣлалъ уступки идеямъ новаго времени.

И самъ Людовикъ вернулся, въ концѣ-концовъ, къ реакціоннымъ воззрѣніямъ окружающихъ, но еще рѣзче показалъ себя отступникомъ его братъ и преемникъ Карлъ X, вождь ультрароялистской партіи.

Соціализмъ, являющійся въ своей новой формѣ также дѣтищемъ великой революціи, предъявилъ свои требованія преимущественно въ образѣ сенъ-симонизма и фурьеризма; фантастическія теоріи послѣдняго будетъ умѣстно разсмотрѣть здѣсь, такъ какъ они стоятъ въ гораздо болѣе тѣсной связи съ половымъ вопросомъ, чѣмъ думаютъ многіе.

Вскорѣ случилось то, что предвидѣли и чего опасались наиболѣе дальновидные люди: польская революція 1830 года свергла съ престола Франціи Бурбоновъ послѣ пятнадцатилѣтняго возобновленнаго господства ихъ. Та же неудача, что и въ области политики, постигла этотъ режимъ и въ соціальной области. Еще при Наполеонѣ I сказались во всей силѣ старыя ошибки, старое высокомѣріе и старая безнравственность. Но каковы бы ни были ошибки,—мощные успѣхи оружія Наполеона съ избыткомъ перевѣшивали все. Закрывались глаза на все, что было смѣшного при пышномъ, хвастливомъ, подражательномъ дворѣ «маленькаго капрала», и не подходили съ рѣзкой критикой сопряженной съ этимъ испорченности нравовъ.

Вернувшееся же къ власти вмѣстѣ съ Бурбонами дворянство и его приверженцы пытались

возстановить всѣ порядки развѣяннаго вихремъ революціи прошлаго, безнравственной пышностью старались вознаградить себя, такъ сказать, за все, что было отнято у нихъ событіями времени. Развилась, правда, сильно набожность—или, вѣрнѣе—ханжество, нашедшее благопріятную для себя почву въ воцарившемся вяломъ, безсильномъ романтическомъ настроеніи. Но это нисколько не способствовало моральному подъему,—наоборотъ, ханжество всегда оказывалось явленіемъ, сопутствующимъ безнравственности.

Для лучшаго уясненія характера этого времени, необходимо поближе разсмотрѣть нѣкоторыя важныя явленія,—и прежде всего, такъ называемую теорію Мальтуса, изслѣдующую законы народонаселенія,—чрезвычайно важные при изученіи проституціи.

Въ концѣ XVIII столѣтія появилась книга Мальтуса (Essay of Population), шотландскаго духовнаго и политико-эконома, въ которой авторъ изслѣдуетъ, какъ извѣстно, причины, препятствующія благополучію человѣчества, и предлагаетъ средства для устраненія этихъ причинъ.

По его мнѣнію, народонаселеніе возрастаетъ при обычныхъ условіяхъ въ геометрической пропорціи, соотвѣтствуя, слѣдовательно, отношенію чиселъ: 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.; средства же пропитанія возрастаютъ только въ ариѳметической пропорціи, т. е. какъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Такимъ образомъ, земля окажется рано или поздно не въ состояніи пропитать людей, а слѣдовательно, необходимо принять предохранительныя мѣры для ограниченія прироста населенія. Существуютъ и естественныя преграды этому росту населенія: болѣзни, эпидеміи, голодъ, войны, развратъ, нищета; но ихъ недостаточно и должны быть по-

ставлены искусственныя преграды, въ видѣ ограниченія заключенія браковъ и ограниченія рождаемости дѣтей.

Эта теорія, въ сущности, провозглашающая подъ маской благочестія и благопристойности безусловную необходимость проституціи, грубо и жестоко вторгающаяся въ область благороднѣйшихъ чувствъ человѣчества и пытающаяся дать ложное направленіе естественному назначенію людей, встрѣтила шумный успѣхъ и, къ сожалѣнію, многими была принята. Но, не говоря уже о безнравственности такого взгляда, онъ просто невѣренъ и неправиленъ.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробную политико-экономическую критику этого ученія. Довольно будетъ указать на то, что даже такой приверженецъ мальтузіанства, какъ Стюартъ Милль, находитъ его вычисленія простой гипотезой, ничѣмъ не подтверждаемой. Что же касается цѣнности этой теоріи, какъ вопроса общественной морали, то она безусловно предосудительна, какъ безспорная и опасная союзница проституціи, которая возводится, такимъ образомъ, съ положенія культурной язвы на степень естественной необходимости.

Серьезно допустить, что усвоеніе мальтузіанства создало бы моральную преграду—половое воздержаніе—никто, конечно, не можетъ; торжество мальтузіанства означало бы только преграду всяческому прогрессу—численному моральному и даже матеріальному. Во Франціи, гдѣ это ученіе пустило корни, вредъ его теперь настолько сознанъ, что начали раздаваться громкія и серьезныя предостереженія. Но объ этомъ у насъ будетъ рѣчь позже, такъ какъ намъ еще

по необходимости придется вернуться къ этому вопросу.

Мальтузіанство въ томъ видѣ, какъ оно объосновано его творцомъ, есть не что иное, какъ проявленіе капитализма, народившееся одновременно съ попытками осуществленія соціализма въ формѣ коммунизма. Мы уже встрѣчались съ нимъ и ранѣе, напримѣръ, въ первоначальной христіанской церкви. Насъ интересуетъ во всѣхъ этихъ движеніяхъ ихъ отношеніе къ женщинѣ и къ браку.

Первымъ, выдвинувшимъ на очередь въ XIX столѣтіи соціальный вопросъ, былъ графъ Клодъ-Анри Сенъ-Симонъ (1760—1825), внукъ герцога Сенъ-Симона, автора мемуаровъ объ эпохѣ Людовика XV. Онъ и, впослѣдствіи, школа его подъ руководствомъ Анфантэна стояли за уничтоженіе всякаго брачнаго союза за «свободную любовь»—принципъ, котораго держатся еще и теперь многіе представители доммунистическаго міровоззрѣнія.

Будучи, правда, вполнѣ послѣдователенъ съ точки зрѣнія системы, принципъ этотъ противорѣчитъ, однако, всѣмъ чувствамъ современнаго человѣчества, всему характеру культуры, съ традиціей которой считаются даже ея противники, и его осуществленіе, если бы оно вообще было возможно, привело бы только къ господству проституціи.

Сенъ-симонизмъ вскорѣ погибъ, благодаря преувеличеніямъ, въ которыя впали его вожди, присужденные въ 1832 году къ тюремному заключенію.

Одновременно съ этимъ движеніемъ появились теоріи Франсуа-Мари-Фурье, съ которыми намъ надо познакомиться поближе, такъ какъ имъ выпалъ на долю безпримѣрный успѣхъ и

шумъ. Не многіе могутъ похвалиться такимъ почетомъ и славой, какими встрѣчено было появленіе въ печати Фурье, имѣющаго приверженцевъ еще и теперь. «Христофоръ Колумбъ соціальнаго міра», «Спаситель человѣчества», «Строитель земного счастья» —таковы нѣкоторые изъ эпитетовъ, которыми его награждали его приверженцы.

Не было у него, правда, недостатка и въ противникахъ, даже въ лагеряхъ единомышленныхъ соціалистовъ и коммунистовъ. Прудонъ, напримѣръ, писалъ Бланки: «Выразить трудно, сколько нелѣпаго и безстыднаго въ системѣ фаланстерій». Передъ этимъ отзывомъ чуть не похвалой звучатъ слова консервативнаго Ламменэ: «Экономическая система фурьеристовъ,—сплошное противорѣчіе высшимъ законамъ, законамъ морали и человѣческой природѣ, — содержитъ множество коренныхъ невозможностей». Веселый Беранже осмѣивалъ въ остроумныхъ стихахъ эти всеміно-спасительныя теоріи соціальнаго Мессіи.

Трудно даже изложить серьезно все то, что обѣщалъ намъ этотъ фантазеръ въ будущемъ строѣ, если только міръ будетъ переустроенъ, сообразно его планамъ,—всѣ фантазіи хиліастовъ ничто въ сравненіи съ этимъ.

Горести и нужда станутъ явленіями незнакомыми, земля и все, что на землѣ обрѣтетъ невѣдомую дотолѣ силу и плодородіе; человѣкъ достигнетъ роста въ 7 футовъ и возраста 144 лѣтъ, изъ которыхъ (Фурье не былъ бы французомъ, если бы ясно не выдѣлилъ эту подробность) 120 лѣтъ будутъ зрѣлымъ возрастомъ способности къ любви (d'exercise actif en amour). Женщины будутъ въ состояніи наслаждаться всѣми радостями молодости еще и въ 80 лѣтъ.

Всѣ способности удесятерятся, возрастутъ въ стократъ. Земля будетъ носить три милліарда счастливыхъ людей, среди которыхъ будутъ милліоны Гомеровъ, Ньютоновъ, Мольеровъ. Вода въ моряхъ превратится въ какое то подобіе лимонада, хищные звѣри—въ кроткихъ, служащихъ людямъ животныхъ анти-львовъ, анти-тигровъ, анти-леопардовъ и т. д., которые будутъ переносить насъ съ неслыханной быстротой съ мѣста на мѣсто. Съ планетами, и въ особенности съ Меркуріемъ, установится нѣчто въ родѣ телеграфнаго сообщенія— и еще многое такое, что только въ силахъ изобрѣсти самая разнузданная фантазія романиста.

Что же надо сдѣлать, чтобы достигнуть всего этого блаженства? Да просто, только устранить существующую цивилизацію и водворить на ея мѣсто изображенные имъ «законы всемірной гармоніи». Самымъ серьезнымъ образомъ восклицаетъ онъ: «Я одинъ достигнулъ цѣли». «До меня человѣчество потеряло цѣлыя тысячелѣтія въ глупой борьбѣ». «Держа въ своей власти книгу судьбы, я хочу разсѣять политическій и моральный мракъ и на развалинахъ шаткихъ наукъ воздвигаю я теорію универсальной гармоніи».

Эта гармонія возродится изъ силы притяженія, которой подчиняется вся вселенная и отъ которой, къ своему ущербу, уклонилось только заблудшее человѣческое общество. Сила притяженія—все для Фурье; на нее опирается его новая космографія, новая вѣра, новый общественный строй.

По его мнѣнію, продолжительность жизни земли исчисляется въ 80.000 лѣтъ, изъ которыхъ ею прожита до сихъ поръ одна шестнадцатая часть,—дѣтство. Теперь должна наступить

вторая фаза, равняющаяся семи шестнадцатымъ, т. е. 35.000 годамъ,—ростъ, возмужалость. За этой наступитъ такая же долгая фаза старѣнія, пока не придетъ чередъ умиранія, продолжительностью, какъ и дѣтство, въ 5.000 лѣтъ.

Но разсказывать подробности его изумительной космогеніи намъ было бы невозможно. Такимъ же характеромъ отмѣчены и его представленія о человѣческой душѣ—нѣчто вродѣ теоріи переселенія душъ. Идея божества его сводится къ какому-то смутному пантеизму.

Мѣсто брака займетъ разумѣется, по его плану, все та же «свободная любовь», а совмѣстная семейная жизнь вообще вѣдь исключается въ фаланстеріяхъ. Фаланстеріи—это особо построенные дворы, приспособленные для совмѣстнаго жительства извѣстныхъ группъ людей. Деревни, города, государства—всего этого не будетъ въ теперешнемъ видѣ и формахъ, а преобразуется по новому, однимъ Фурье надуманному и точно описанному плану. Очень мѣтко отозвался обо всѣхъ этихъ сумасбродствахъ Ламартинъ: «Глупости! Вы мечтаете вопреки самой природѣ!»

Несмотря на смѣхотворную нелѣпость этой системы, у нея было много приверженцевъ и неоднократно дѣлались попытки—даже еще въ недавніе годы—устраивать подобныя фаланстеріи; но всѣ онѣ терпѣли крушеніе. Не безъ основанія могъ Прудонъ охарактеризовать систему Фурье, какъ «послѣднее видѣніе въ пьяномъ бреду».

Такъ же несостоятельны, хотя и менѣе фантастичны, были планы англичанина Роберта Оуэна (1775—1858). Онъ также пытался представить практическія доказательства ихъ осу-

ществимости и основалъ въ Америкѣ колонію на основахъ своей коммунистической системы, но она вскорѣ распалась. И онъ также хотѣлъ преобразовать семью — одинъ изъ основныхъ устоевъ нашей культурной жизни—въ общину, хотя и высказывался по этому вопросу нѣсколько сдержаннѣе чѣмъ Фурье, бывшій страстнымъ противникомъ своего англійскаго единомышленника и называвшій его приверженцевъ «плутами изъ оуэновской секты и людьми крайне опасными».

Изъ мечтателей этого рода слѣдуетъ назвать еще Этьенна Кабэ, (1788—1856), который вдохновившись «утопіей» Томаса Мора, создалъ собственную коммунистическую систему, планъ который развилъ въ романѣ «Путешествіе въ Икарію». Впослѣдствіи онъ основалъ съ группой своихъ приверженцевъ маленькую «Республику Икарію» Въ Америкѣ. Но и изъ этого предпріятія ничего не вышло.

Къ чести Кабэ надо сказать, однако, что онъ не отрицалъ брака и семьи, что и оттолкнуло отъ него много приверженцевъ, смотрѣвшихъ на эти формы общественности, какъ на устарѣлый предразсудокъ. Строго говоря, они были не совсѣмъ неправы о своей точки зрѣнія, находя что общность имущества необходимо предполагаетъ и общность женъ, въ интересахъ «усовершенствованія человѣческой расы путемъ смѣшанныхъ брачныхъ союзовъ» и во избѣжаніе «прочныхъ индивидуальныхъ привязанностей и образованія семьи, что неминуемо привело бы къ новому возникновенію презрѣнной собственности».

ГЛАВА III.

Девятнадцатое столѣтіе. — Соціализмъ. — Женскій вопросъ. — Проституція въ XIX столѣтіи. — Причины проституціи. — Положеніе женщины. — Женщины въ тюрьмахъ.—Сенъ-Лазаръ. — Способность проститутокъ къ самопожертвованію.—Склонности проститутокъ.— Записка одного преступника о проституціи.

Съ наступленіемъ XIX столѣтія, начало котораго правильнѣе считать хронологически на нѣсколько лѣтъ раньше 1800 года, на сцену вышли нѣкоторые новые культурные факторы, полная оцѣнка которыхъ была бы преждевременна, но могучее вліяніе которыхъ уже ясно опредѣлилось.

«Великая французская революція — говоритъ Шмидтъ-Вейсенфельсъ въ своей книгѣ «О Франціи и французахъ»—пришла во имя великой нравственной идеи уничтожать сгнившій общественный строй и возвратить свободу человѣчеству, сгруппировавшемуся въ союзы. Въ этомъ она оказалась побѣдительницей, потому что она была необходимостью: она только взорвала оболочку уже набухшаго и готоваго прорваться наружу зародыша новаго общества. Но идея французскаго общества стала истиной только наполовину, освободивъ одну буржуазію и уравнявъ ее въ правахъ съ аристократіей. Всю выгоду отъ французской революціи, идеи которой овладѣли всей Европой, забралъ себѣ одинъ буржуа, пред-

ставитель капитала, и о широкой массѣ народа, о рабочемъ, и не подумалъ позаботиться».

И дѣйствительно, всѣ завоеванія революціонной борьбы послужили въ пользу только незначительной части народа и нужда массъ выступила еще острѣе при почти исключительномъ господствѣ власти капитала. На сцену выступилъ соціализмъ. Необычайное развитіе общественной жизни, средствъ сообщенія, ростъ большихъ городовъ и промышленности — наложили новый отпечатокъ на всю эпоху; направили жизнь по новымъ путямъ и оказали могущественное вліяніе на мораль.

Вполнѣ понятно, что когда всѣ условія жизни и отношенія потребовали преобразованія, не могъ не выступить на очередь и вопросъ о положеніи женщины въ обществѣ; возникъ «женскій вопросъ» и началъ все болѣе крѣпнуть, все громче заявлять о себѣ, чему не мало способствовало и вліяніе большихъ городовъ. И больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, проявилось это вліяніе во Франціи, столица которой уже съ давнихъ поръ сдѣлалась средоточіемъ государства, которому повелительно предписывала свой образъ мыслей и дѣйствій.

Вотъ почему исторія проституціи Франціи въ XIX столѣтіи еще больше прежняго выдаетъ парижскій покрой, только ей уже нѣтъ надобности заимствовать для себя характерные примѣры отъ двора и высшаго круга. Она находитъ ихъ достаточно и еще болѣе подходящихъ въ буржуазныхъ кругахъ, а часто даже въ низшихъ слояхъ народа, хода порча нравовъ по прежнему прочно гнѣздилась и на верху.

Надо замѣтить еще и то, что, благодаря ослабленію національныхъ и мѣстныхъ различій

и все прочнѣе устанавливавшимся подобію и равенству условій большихъ городовъ и всемірныхъ центровъ,—всѣ явленія жизни различныхъ пунктовъ цивилизованнаго міра начали все болѣе и болѣе походить между собой. Такимъ образомъ, все что мы говорили, напр., о Парижѣ, примѣнимо большей частію и ко всѣмъ другимъ всемірнымъ центрамъ.

Нивеллирующее вліяніе культуры сказывается и тутъ. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы избѣгнуть неправильныхъ заключеній, будто развратъ гнѣздился только въ Вавилонѣ на Сенѣ,—только потому, что при изслѣдованіи условій жизни этого города ярче выступитъ это вліяніе. Правда, что и до послѣдняго времени столица Франціи играетъ руководящую роль въ грязной области проституціи,—благодаря отчасти традиціямъ, отчасти наплыву иностранцевъ, матеріальнымъ условіямъ и многому другому.

Нужда, легкомысліе, видъ окружающей роскоши въ XIX столѣтіи еще сильнѣе прежняго оказывались главными рычагами проституціи. Выше цитированный нами авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Участь трудящихся женщинъ стала здѣсь въ послѣднее время (1868 г.) не менѣе плачевной, и государство не попыталось сколько нибудь серьезно придти на помощь. И на шелковыхъ фабрикахъ въ Ліонѣ, и на хлопчатобумажныхъ въ Лиллѣ, такъ же какъ въ парижскихъ чердачныхъ каморкахъ, въ которыхъ живутъ бѣдныя швеи и вышивальщицы—всюду неизмѣнно царитъ женская нищета. И не только представительницы такого труда,—даже учительницы, воспитательницы, конторщицы находятся большей

частію во власти нужды и, слѣдовательно, всѣхъ деморализирующихъ послѣдствій ея.

«Всюду, во всѣхъ отрасляхъ труда, работница переживаетъ невыразимо тяжелую борьбу съ недостатками и лишеніями, — и потому такъ легко отыскивается и такъ легко находится спасительный въ первую минуту выходъ—путь порока. Нужда такъ легко поддается всякимъ соблазнамъ,—а общество, ищущее своихъ жертвъ именно въ кругахъ бѣднѣйшихъ и несчастныхъ, само внесшее деморализацію, потомъ гордо осуждаетъ свой собственный грѣхъ въ его жертвахъ.

«Правда, еще больше, чѣмъ недостаточный заработокъ, чѣмъ ограниченная свобода труда, чѣмъ бѣдность и нужда, тяготѣетъ на трудящихся женщинахъ Франціи, проклят е ихъ крайней вѣтренности. Это чума, отравляющая всѣ круги общества и проникшая и въ легко поддающійся заразѣ кругъ фабричныхъ дѣвушекъ, гризетокъ и конторщицъ. Всякую трудящуюся женщину считаютъ продажной, потому что дамы изъ имущихъ классовъ привыкли къ безнравственности своего пола,—и почти всѣ борящіяся съ нуждой работницы жадно стремятся къ благосостоянію, и роскоши, рвутся въ Парижъ,—такъ что, когда соблазнъ подвернется, онѣ устремляются навстрѣчу ему.

«Найти радикальное средство борьбы съ подобной деморализаціей совсѣмъ не легко. Тутъ нужно было бы коренное преобразованіе и улучшеніе всего общественнаго строя. Если бы прибѣгнули для этой цѣли даже къ полному запрещенію всякаго (промышленнаго) труда женщинъ и дѣвушекъ, то и тогда главное не было бы достигнуто, потому что дамы высшихъ слоевъ во Франціи еще порочнѣе, чѣмъ женщины бѣд-

ныхъ классовъ. Наилучшимъ и ближайшимъ средствомъ такой борьбы остается только большая забота о воспитанiи дѣтей, о школѣ, о семьѣ. Но именно во Францiи чрезвычайно слаба эта забота,—и типъ истинной матери надо искать не въ Парижѣ...

Эти слова, высказанныя въ эпоху царствованiя Наполеона III, могли быть примѣнимы и къ предшествовавшимъ эпохамъ и сохраняютъ свою силу и донынѣ. Дѣло только въ томъ, что всѣ эти жалобы должны относиться не къ одной только Францiи, а ко всѣмъ остальнымъ странамъ съ такимъ же правомъ.

Другимъ факторомъ проституцiи является вопросъ объ уголовныхъ преступленiяхъ женщинъ во Францiи. До настоящаго времени число ежегодно заключаемыхъ въ тюрьмы женщинъ равнялось въ среднемъ 40 тысячамъ—т. е. одной пятой части всего числа заключенныхъ—три четверти которыхъ отбывали въ тюрьмахъ наказанiе по суду послѣ довольно продолжительнаго подслѣдственнаго заключенiя.

Въ самомъ Парижѣ обычное число заключенныхъ женщинъ равняется 2000, изъ которыхъ находящiяся въ предварительномъ заключенiи помѣщаются, какъ и подслѣдственные мужчины, при полицейской префектурѣ. Здѣсь можно видѣть ихъ одѣтыми и въ бархатъ и въ шелкъ и въ отрепья, шляпы и шали развѣшены на крючкахъ надъ деревянными нарами, служащими имъ ложемъ на ночь.

Все это — проститутки, воровки, подозрѣваемыя въ мошенничествѣ, въ пристанодержательствѣ; онѣ содержатся здѣсь вмѣстѣ безъ разбора до перваго допроса, послѣ котораго или освобождаются, или предаются суду. По-

слѣднія доставляются въ закрытой каретѣ, въ Сенъ-Лазарскую тюрьму, гдѣ и ожидаютъ исхода своего процесса.

Сенъ-Лазарская тюрьма, въ которую попадаютъ наиболѣе невинныя преступницы, подслѣдственныя или отбывающія наказаніе не свыше одного года заключенія, разсчитана на 1400 заключенныхъ. Послѣдственныя имѣютъ право занимать отдѣльную комнату за 16 су и столоваться на собственный счетъ. Если же у нихъ нѣтъ для этого средствъ, онѣ помѣщаются въ общей камерѣ и все свободное время проводятъ вмѣстѣ во дворѣ, въ которомъ позаботились насадить нѣсколько цвѣтковъ.

Онѣ получаютъ худшій столъ, чѣмъ отбывающія наказаніе по суду и не получаютъ ни бѣлья, ни платья, хотя бы имъ пришлось просидѣть цѣлыя недѣли. Правда, онѣ могутъ писать роднымъ и подругамъ и имъ могутъ присылать необходимое бѣлье и платье; но мало ли среди нихъ такихъ, у которыхъ и нѣтъ ничего, кромѣ того, во что онѣ были одѣты въ день ареста! Сколько здѣсь такихъ, у которыхъ только и есть, что своя особа и свое несчастье!

Вѣдь большинство изъ нихъ даже не дѣти Парижа, а пріѣхавшія изъ своихъ деревень и провинціальныхъ городовъ съ мечтами о радостяхъ и о счастьѣ въ этотъ современный Вавилонъ, который ихъ погубилъ и ежедневно требуетъ себѣ, во имя цивилизаціи, все новыхъ и новыхъ жертвъ. Что же имъ остается дѣлать въ Сенъ-Лазарѣ, какъ не покориться обстоятельствамъ и, чтобы отвлечься отъ печальныхъ думъ, убивать время въ обществѣ другихъ?

Въ тюрьмѣ нѣтъ недостатка въ такихъ женщинахъ, которыя сумѣютъ преподать имъ всю

философію тюрьмы и оторвать ихъ отъ послѣднихъ узъ, которыми онѣ еще связаны съ прежней жизнью, чтобы всецѣло вовлечь ихъ въ міръ порока и преступленія. И молодыя, и посѣдѣвшія грѣшницы, постоянныя обитательницы тюремъ, въ которыя возвращаются черезъ короткое время послѣ освобожденія, насмѣхаются надъ слезами раскаивающихся, вырываютъ у нихъ надежду и доказываютъ имъ, что въ ихъ положеніи наилучшее--продаться чорту.

Эти безнадежно испорченныя, опытныя во всѣхъ преступленіяхъ и потому довольно свѣдущія въ законахъ, такъ что умѣютъ подвести себя подъ кратчайшій срокъ наказаній, пользуются въ Сенъ-Лазарѣ большимъ значеніемъ. Онѣ руководятъ болѣе молодыми, менѣе испорченными и всѣми подслѣдственными, даютъ имъ совѣты, опутываютъ своей гибельной дружбой еще невинныхъ.

Бѣдняжка, слушавшая вначалѣ съ отвращеніемъ эти циничные разсказы и поученія, въ концѣ концовъ сдается, отчаявшись въ возможности вернуться къ честной жизни и убѣждаясь, что въ ея положеніи ей, дѣйствительно, ничего лучшаго не остается, какъ послѣдовать, совѣтамъ своей искусительницы. Что же дѣлать ей, выброшенной изъ общества, очутившись за стѣнами тюрьмы? Она присоединяется къ товаркамъ по несчастью и начинаетъ жить такъ же, какъ онѣ.

Въ стремленіи развлечься женщины прибѣгаютъ къ обычнымъ тюремнымъ играмъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ «культъ суевѣрія». Заключенныя изобрѣтаютъ множество средствъ для прозрѣнія своего будущаго. Нѣтъ такого предмета, который не служилъ бы при-

знакомъ счастливыхъ или несчастныхъ ожиданій и старыя учатъ искусству разгадывать молодыхъ. Онѣ вѣрятъ въ сны, въ пророчества, въ впечатлѣнія дня. Какъ и мужчины, онѣ умѣютъ допытывать свою судьбу на всевозможные лады.

Излюбленнымъ гаданіемъ въ Сенъ-Лазарѣ является слѣдующее: изъ хлѣбнаго мякиша скатываются три шарика, одинаковой, по возможности, величины, въ которыя задѣлываются по кусочку бумажки съ надписью—на одномъ слово «свобода», на другомъ—наименьшая мѣра наказанія и на третьемъ—наивысшая, къ которой онѣ могутъ быть приговорены. Скатанные шарики опускаются затѣмъ въ стаканъ съ водой и гадающая заключенная читаетъ молитвы до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь изъ шариковъ размякнетъ первымъ и бумажка всплыветъ на поверхность; эта то надпись и предскажетъ ея судьбу.

Настоящимъ дѣтищемъ тюрьмы является только приговоренная по суду: ей выдается еженедѣльно бѣлье, форменная одежда, деревянные башмаки, обильная пища—все необходимое для скуднаго существованія. И свободные часы несчастныя гуляютъ и играютъ во дворѣ Сенъ-Лазара, точно пансіонерки учебнаго заведенія. Тщеславіе онѣ сохраняютъ и здѣсь; оно сказывается не только въ прихорашиваніи, но и въ хвастовствѣ своими былыми успѣхами.

Больше всего этому предаются проститутки, приговоренныя на нѣсколько мѣсяцевъ за обманъ или плутовство, или отбывающія дисциплинарное наказаніе за уклоненіе отъ обязательнаго полицейскаго надзора; онѣ кичатся своими прежними побѣдами и хвастаютъ другъ передъ другомъ, перечисляя своихъ обожателей и лю-

бовниковъ. Иная въ самомъ дѣлѣ можетъ похвалиться тѣмъ, что еще недавно каталась въ изящномъ тильбюри въ Елисейскихъ поляхъ, имѣла по княжески обставленную квартиру, прелестные туалеты, слугъ и знатныхъ любовниковъ.

И онѣ безпрестанно переживаютъ въ мечтахъ блаженное прошлое въ тюремныхъ стѣнахъ, въ арестантскомъ платьѣ, въ деревянныхъ башмакахъ, облекающихъ ту ногу, прелестью которой любовалось столько обожателей. Настоящія же преступницы—воровки и пристанодержательницы—тѣ съ такою же гордостью называютъ своихъ возлюбленныхъ, принадлежащихъ къ тюремной аристократіи и осужденныхъ на многолѣтнее заключеніе въ уголовныхъ тюрьмахъ.

Когда приближается срокъ ихъ освобожденія, онѣ заблаговременно озабочиваются тѣмъ, чтобы вновь обрѣсти такихъ возлюбленныхъ ко времени выхода изъ Сенъ-Лазара и совмѣстно съ ними воспользоваться плодами преступленій. Для этой цѣли заведена своего рода почта между мужскими тюрьмами и Сенъ-Лазарской. Кто-нибудь изъ опытныхъ выпущенныхъ изъ тюрьмы мужчинъ или женщинъ уполномочивается сообщить въ другой тюрьмѣ, въ какой день имѣетъ произойти освобожденіе.

Напримѣръ, изъ Рокетской тюрьмы такой посланецъ приноситъ нарисованный букетъ цвѣтовъ, который ловко всучиваетъ какой-нибудь старой грѣшницѣ въ Сенъ-Лазарской тюрьмѣ. Букетъ этотъ состоитъ изъ трехъ цвѣтковъ и означаетъ, что въ извѣстный день имѣютъ быть выпущены три преступника, которые согласны признать своими возлюбленными тѣхъ женщинъ, которыя представятъ имъ въ условленномъ мѣстѣ эти цвѣты. Преступницы, ожидающія своего

освобожденія къ тому же сроку, съ большимъ усердіемъ разыскиваютъ такіе цвѣты.

Есть однако и невинныя, рвущіяся изъ Сенъ-Лазара, какъ изъ ада; такихъ ожидаетъ часто, на первыхъ же началахъ послѣ освобожденія, новая опасность. Есть такіе утонченные негодяи, которые высчитываютъ по судебнымъ отчетамъ, въ какой день должна быть освобождена молодая и красивая дѣвушка и подстерегаютъ несчастную предлагая ей свою любовь.

Если его отвергнутъ, онъ старается отомстить, преслѣдуя свою жертву и сообщая объ искупленномъ ею ложномъ шагѣ тѣмъ, у кого она нашла было пріютъ. Другіе преслѣдуютъ въ такихъ случаяхъ иные цѣли и планы. Они стараются вкрасться въ довѣріе несчастной, чтобы затѣмъ или вовлечь ее въ новые ложные шаги, или же сдѣлать изъ нея шпіона. Это практикуютъ жалкіе «mouchards»—агенты тайной полиціи.

Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія о тюремной жизни проститутокъ и о проституціи вообще сообщаетъ Б. Аппертъ въ своемъ сочиненіи «Тайны преступленія и жизни преступниковъ и заключенныхъ». Цѣлыхъ тридцать лѣтъ жизни посвятилъ гуманный авторъ изученію и изслѣдованію европейскихъ тюремъ. Приводимъ изъ его книги непосредственно интересующія насъ свѣдѣнія.

«Воровки и публичныя женщины—необыкновенныя лакомки. Я зналъ многихъ, для которыхъ не было ничего дороже пирожныхъ, конфектъ и т. п. Въ большинствѣ случаевъ женщины затрачиваютъ все, что добыли воровствомъ, на лакомства или на безвкусные наряды. Бережливость имъ совершенно чужда, онѣ живутъ изо дня въ день, не помышляя о томъ, какая печальная участь предстоитъ большинству изъ нихъ

къ старости. Въ среднемъ такія женщины проживаютъ отъ 5 до 10 франковъ въ день, но очень рѣдко онѣ затрачиваютъ больше 1 франка на необходимѣйшія потребности.

«Очень часто эти несчастныя отдаются за вкусную ѣду или за подарокъ-лакомство. Большинство питаетъ настоящее отвращеніе къ сберегательнымъ кассамъ и если имъ даже случается попадать въ больницы вслѣдствіе скверной болѣзни,—и это не побуждаетъ ихъ измѣнить прежній образъ жизни. Эти созданія, позоръ своего пола, слишкомъ легкомысленны, чтобы быть въ состояніи подумать о томъ, къ чему это ихъ приведетъ.

«Но несмотря на все это, онѣ бываютъ часто очень добродушны и необычайно благотворительны въ отношеніи обращающихся къ нимъ бѣдныхъ. Попадая въ тюрьмы, онѣ сохраняютъ прежнюю страсть къ лакомствамъ и при всемъ тщательнѣйшемъ надзорѣ невозможно услѣдить, чтобы имъ на свиданіяхъ не передавали какихъ-нибудь сластей.

«Кокетство является самымъ частнымъ поводомъ вовлеченія такихъ женщинъ въ воровство или въ проституцію; нерѣдко какая-нибудь шаль или шелковое платье или шляпка съ цвѣтами являлись единственной платой несчастной за то, что она отдалась или согласилась на соучастіе въ кражѣ.

«На бѣлье и другія полезныя части туалета онѣ обыкновенно тратятъ очень мало; имъ нравится только то, что блеститъ и привлекаетъ вниманіе; вотъ почему онѣ всегда почти безъ исключенія носятъ крупныя украшенія изъ ненастоящаго золота, поддѣльные брилліанты и платья кричащихъ цвѣтовъ. Часто у нихъ бы-

ваетъ полдюжины платьевъ и при этомъ всего двѣ рубашки, двѣ пары чулокъ и одна единственная пара ботинокъ.

«Стирка платьевъ и кружевъ—самая важная ихъ забота; этому онѣ посвящаютъ обыкновенно все утро въ той самой комнатѣ, въ которой послѣ 2 часовъ дня принимаютъ своихъ любовниковъ или сообщниковъ. Часто онѣ сидятъ безъ хлѣба, но пирожныя и крѣпкіе ликеры у нихъ всегда подъ рукой. Большей частью онѣ живутъ консервами и овощами, потому что онѣ слишкомъ беззаботны, чтобы изготовить себѣ горячую пищу.

«Женщины находящіяся въ публичныхъ домахъ или въ тюрьмахъ, до такой степени хитры, лицемѣрны и лживы, что я изъ ста едва встрѣтилъ двухъ, которыя могли сдѣлать откровенныя признанія. Часто онѣ злобно жаловались на другихъ заключенныхъ, чтобы обойти меня и помѣшать мнѣ добиться правды. Если женщина потеряла всякую скромность, стыдъ и честь, то обратить ее снова на честный путь чрезвычайно трудно. Зато, положимъ, въ тюрьмахъ мужчинъ несравненно больше, сравнительно, чѣмъ женщинъ.

«Но при всѣхъ порокахъ, свойственныхъ проституткамъ и воровкамъ, онѣ тѣмъ не менѣе способны часто на безграничное безкорыстное самоотверженіе, которое могло бы заставить заключить о самомъ добромъ сердцѣ, если бы не было обыкновенно самаго недостойнаго, низменнаго происхожденія.

«Когда у публичной женщины есть любовникъ, котораго она «по настоящему любитъ» и его осуждаютъ на многолѣтнее тюремное заключеніе, ея любовь еще усиливается втеченіе его

отсутствія,—о чемъ свидѣтельствуютъ нѣжныя письма и деньги, которыя она ему посылаетъ.

«Часто ко мнѣ являлись такія женщины съ просьбами вступиться за преступниковъ или передать ему принесенныя деньги. Въ такихъ случаяхъ онѣ становились даже бережливы, отказывали себѣ въ лакомствахъ—только бы имѣть возможность помочь своимъ друзьямъ въ тюрьмѣ денежными посылками. Часто просьбы ихъ были такъ трогательны и такое искреннее горе онѣ обнаруживали отъ разлуки съ своими возлюбленными, что моментами я готовъ былъ усомниться, что передо мной женщина, опустившаяся до глубочайшаго униженія.

«Изъ этого ясно видно, что у этихъ несчастныхъ созданій одна страсть можетъ побѣдить или ослабить другую. Задачей начальниковъ тюремъ и должно бы быть—умѣло воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для исправленія несчастныхъ. Здѣсь, какъ и во всемъ на свѣтѣ, Господь отвелъ мѣсто и лекарству, наряду съ болѣзнью.

«Одна публичная дѣвушка, Софи N., подвергла себя для спасенія своего любовника, выпущеннаго преступника, пятилѣтнему тюремному заключенію. Передъ тѣмъ она взяла съ него обѣщаніе, что онъ останется ей вѣрнымъ втеченіе этого времени и, прощаясь съ нимъ сказала: «Богомъ клянусь, что убью тебя, если отбуду наказаніе, вернусь и узнаю, что ты обѣщанія не исполнилъ. Горе и той, которая вздумаетъ занять мое мѣсто въ твоемъ сердцѣ».

«Другая дѣвушка, Роза С., страстно любила нѣкоего Франсуа Д., который былъ приговоренъ по совокупности нѣсколькихъ преступленій къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Едва онъ ушелъ на каторгу, она ушла изъ публич-

наго дома, въ которомъ находилась до тѣхъ поръ, поступила въ услуженіе кухаркой и втеченіе пятнадцатилѣтняго отсутствія Д. вела себя самымъ безукоризненнымъ образомъ. Регулярно каждый мѣсяцъ она посылала ему по 10 франковъ и столько же откладывала въ сберегательную кассу, чтобы собрать себѣ приданое къ тому времени, когда они поженятся, что будетъ тогда—какъ она ждала все время—когда господинъ Аппертъ выхлопочетъ бѣдному Франсуа помилованіе.

«Преступникъ въ свою очередь велъ себя такъ хорошо, что заслужилъ благоволеніе начальства и былъ освобожденъ черезъ 15 лѣтъ. Я съ своей стороны охотно сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь этимъ людямъ пожениться. Они поселились въ Парижѣ и казались вполнѣ довольными.

«Во время своего пребыванія въ Германіи, я получилъ отъ Франсуа Д. письмо, которое привожу цѣликомъ.

Парижъ, 1 Февраля 1848 года.

Дорогой господинъ Аппертъ!

Въ прошлое воскресенье я былъ съ моей женой въ Нелльи, чтобы извѣстить Васъ, что у насъ родился хорошенькій мальчишка. Такъ какъ мы не знаемъ Вашего имени, то мы его нарекли Винцентомъ. Я думаю, что это все равно, назвали ли бы мы его Вашимъ именемъ, или именемъ святого, патрона заключенныхъ.

Намъ сказали, что Вы предприняли путешествіе заграницу, чтобы посѣтить тамъ больницы и тюрьмы. Намъ съ Розой очень жаль, что Васъ нѣтъ здѣсь, но въ то же время намъ это до-

ставляетъ удовольствіе, потому, видите-ли, что наше несчастье и дурно прожитые нами молодые годы научили насъ не быть эгоистами, и мы понимаемъ, что вы принесете пользу и тѣмъ несчастнымъ, которые не Ваши соотечественники. Вы не справляетесь о томъ, въ какой странѣ Вы находитесь, если только Вы можете помочь кому-нибудь. Не забывайте только, что Ваше отечество еще нуждается въ Васъ.

Въ Нелльи намъ разсказывали, что Вы лишились Вашего состоянія. Когда мы это услышали, мы оба плакали. Вы, господинъ Аппертъ, на котораго мы всѣ смотримъ, какъ на отца, не должны терпѣть лишеній. Если только это правда, то стоитъ только сдѣлать это извѣстнымъ въ тюрьмахъ, — и навѣрное всѣ находящіеся тамъ и всѣ выпущенные на волю скоро соберутъ для Васъ сумму. Развѣ не слѣдовало бы правительству, держащему на жалованьи столько генеральныхъ инспекторовъ, которые больше ни о чемъ не заботятся, какъ о величайшей строгости къ заключеннымъ—развѣ оно не обязано было бы выдать Вамъ пенсію за важныя услуги, которыя Вы ему оказывали даромъ 30 лѣтъ? Если это не будетъ сдѣлано, это будетъ большая неблагодарность.

Дорогой господинъ Аппертъ, мой уважаемый защитникъ, напишите намъ, разсчитывайте на Франсуа и на Розу. Наши маленькія сбереженія—въ Вашемъ распоряженіи, а потомъ старые друзья и освобожденные заключенные поступятъ такъ-же, какъ мы. Не примите это предложеніе въ дурную сторону, оно исходитъ отъ искренняго сердца. Оно служитъ доказательствомъ того, что мы до сихъ поръ достойны благосклонности нашего благодѣтеля, которому мы и сви-

дѣтельствуемъ наше величайшее почтеніе и нашу искреннѣйшую благодарность.

Франсуа Д.

P. S. Нашъ Винцентъ складываетъ свои ручки и молитъ Бога послать Вамъ здоровье и долгую жизнь.

«Это письмо доставило мнѣ большую радость и я не заставилъ Д. долго ждать отвѣта. Я поблагодарилъ его за его доброе намѣреніе и увѣрилъ его, что тотчасъ по своемъ возвращеніи посѣщу его, его жену и маленькаго Винцента.

«Воровки и публичныя женщины отличаются почти одинаковыми вкусами и склонностями. И вообще многія дурныя свойства и немногія хорошія до того одинаковы у нихъ всѣхъ, что трудно найти различіе между ними. Плохіе романы, мелодрамы, непристойныя сочиненія и картины имѣютъ одну и ту же притягательную силу для тѣхъ и другихъ; правительству слѣдовало бы учредить строжайшій надзоръ за такими изданіями, чтобы предотвратить развитіе самыхъ дурныхъ страстей. Въ тюрьмы, несмотря на весь надзоръ, проникаетъ множество такихъ безнравственныхъ сочиненій—романовъ, біографій выдающихся преступниковъ, вродѣ Картуша, Мандрена.

«Настоящей школой порока являются и тѣ недостойныя театральныя предпріятія, съ тѣснымъ и плохо освѣщеннымъ зрительнымъ заломъ, которыя выбираютъ для постановки легкомысленныя и развращающія пьесы. Въ антрактахъ въ подобныхъ театрахъ происходятъ самыя неприличныя сцены, совершаются самыя гибельныя знакомства, а самое посѣщеніе ихъ создаетъ постоянный поводъ для неумѣренной

траты денегъ на напитки, на лакомства, на наряды.

«Еще болѣе гибельнымъ разсадникомъ всяческаго порока и разврата являются всевозможные ночные кабачки и кафэ, гдѣ собирается молодежь послѣ театра, насмотрѣвшись и наслушавшись пьесъ, въ которыхъ рѣчь шла только о грабежѣ, убійствѣ и прелюбодѣяніи.

«Я бывалъ въ такихъ притонахъ, наблюдая лица посѣтителей, слушая разговоры и долженъ сказать, что не могъ бы заставить себя повторить все то, что здѣсь говорилось и дѣлалось. Нравы здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ нравовъ въ каторжныхъ тюрьмахъ,—съ той только разницей, что здѣсь нѣтъ никакого надзора и, спаиваніе, соблазнъ и совращеніе во всевозможные пороки здѣсь совершаются вполнѣ безпрепятственно».

Тотъ же авторъ приводитъ интересную записку одного осужденнаго на пожизненное тюремное заключеніе преступника о женской проституціи и о необходимости и средствахъ борьбы съ нею. Считаемъ небезынтереснымъ познакомить съ нею нашихъ читателей въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, замѣтивъ при этомъ, что примѣчанія въ выноскахъ принадлежатъ самому Апперту.

Это — докладъ графа Биго де Преаменэ въ «Société royale des prisons», подъ слѣдующимъ полнымъ заглавіемъ: «Есть-ли проституція неизбѣжное зло, какъ это обыкновенно думаютъ, и нельзя ли надѣяться на немедленное ея ослабленіе и полное уничтоженіе со временемъ?»

Въ теченіе полустолѣтія во Франціи издавалось много законовъ и принималось много мѣръ

для общественнаго оздоровленія, безъ всякой, однако, замѣтной пользы для нравственности,— главнымъ образомъ, въ большихъ городахъ.

Если гдѣ-либо существуетъ хорошо организованная, дѣятельная и бдительная полиція то это именно въ Парижѣ, а между тѣмъ здѣсь царитъ зло нищенства въ ужасающихъ размѣрахъ.

Сколько толковалось о злѣ попрошайничанья, сколько времени прошло, пока были изданы распоряженія, запрещающія его,—которыя теперь уже отмѣнены или недостаточно строго соблюдаются.

Надо надѣяться, что скоро будетъ снова сознана необходимость особыхъ заведеній для праздношатающихся, въ которыхъ ихъ привлекли бы къ полезному труду.

Но это зло—не единственная разъѣдающая язва на соціальномъ тѣлѣ; есть другая еще болѣе гибельная, происходящая отъ тѣхъ же пороковъ и также требующая заботы правительства въ интересахъ общественнаго блага. Это *публичная проституція женщинъ,* гнѣздящаяся съ наглымъ безстыдствомъ въ большихъ городахъ и въ особенности въ столицахъ, которая все сильнѣе разростается и влечетъ за собой все болѣе печальныя послѣдствія.

Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, позорнѣе для цивилизованной страны, чѣмъ зрѣлище этой все возрастающей разнузданности?

На самыхъ людныхъ улицахъ глазамъ прохожихъ часто предстаютъ за искусно отдѣланными окнами безстыдныя продажныя женщины въ возмутительной наготѣ. По вечерамъ онѣ останавливаются на углахъ улицъ, у подъѣздовъ домовъ, передъ окнами магазиновъ, нагло останавливая и старцевъ, и юношей. Кромѣ этого

онѣ шныряютъ въ мѣстахъ для гулянья, вблизи театровъ или мѣстъ, посѣщаемыхъ иностранцами, внушая отвращеніе всякому, у кого еще сохранилось чувство приличія и благопристойности.

Что за зрѣлище для молодыхъ людей, пріѣзжающихъ изъ провинцій и посѣщающихъ со своими родителями общественныя мѣста! Эта разнузданность—страшное зло не только для нравственности, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Вы, которымъ государство ввѣрило охрану порядка и нравственности,—выйдите и разспросите этихъ несчастныхъ созданій, предающихся проституціи и обрекшихъ себя на всю жизнь стыду и презрѣнію! Вы услышите, какъ онѣ проклинаютъ бездѣйствіе закона, не мѣшающаго первымъ ошибкамъ молодости, относящагося терпимо и благосклонно къ ихъ предосудительнымъ склонностямъ и долженствующаго поэтому нести вину за ихъ паденіе и униженіе.

Взгляните на молодыхъ людей, старѣющихся преждевременно вслѣдствіе излишествъ, мучимыхъ угрызеніями совѣсти за то, что допустили себя опьяняться изъ ядовитаго кубка ложныхъ удовольствій, который имъ предлагаютъ гнусные, терпимые въ большихъ городахъ серали!

Зайдите въ тюрьмы и спросите заключенныхъ, кто впервые научилъ ихъ преступленію. Всѣ отвѣтятъ: распущенность и безнаказанность первыхъ безнравственныхъ поступковъ, знакомство съ публичными женщинами, пребываніе у нихъ, гарантировавшее имъ часто безопасность при преслѣдованіяхъ полиціи.*)

*) Не проходитъ почти ни одного года, чтобы газеты не сообщали о преступленіяхъ, совершенныхъ у проститутокъ или подъ ихъ прикрытіемъ.

Посмотрите, изъ кого составляется населеніе больницъ, стоющихъ государству такихъ огромныхъ суммъ? Это тоже большей частью жертвы разнузданности — многіе терпятъ невыразимыя мученія, многіе остаются калѣками, а многимъ приходится и смертью искупать свои грѣхи. Развѣ не было никакой возможности спасти ихъ? Сегодня эти гибнутъ, завтра за ними послѣдуютъ другіе. А нравы.. а родъ человѣческій?—ухудшаются, вырождаются!

А какъ легко было предотвратить все это! Скольких силъ стоилъ уже человѣчеству этотъ недостатокъ попеченія! Упадокъ нравовъ, на который раздается столько жалобъ, коренится прежде всего въ излишней терпимости къ распущенности, въ недостаткѣ мѣстнаго надзора за публичной женской проституціей и въ той легкости, съ которой она можетъ безпрепятственно практиковаться во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Но я вижу насмѣшливыя улыбки, я слышу своекорыстный отвѣтъ на мои слова: «Не нами это заведено. Измѣнить то, что существуетъ вѣка,—это значитъ только замѣнить существующее зло другимъ. Уничтожить проституцію—это значитъ подвергнуть риску безопасность всѣхъ. Ничего тутъ не подѣлать, проституцію приходится терпѣть ибо она съ давнихъ поръ признана неизбѣжнымъ зломъ въ большихъ густо-населенныхъ городахъ».

Кто дерзаетъ выступать противъ злоупотребленій и предразсудковъ, долженъ быть готовъ встрѣтить сопротивленіе; но если онъ можетъ доказать, что имѣетъ въ виду всеобщее благо,—это сопротивленіе должно еще сильнѣе побудить его попытаться быть услышаннымъ.

Я утверждаю, что для сохраненія добрыхъ нравовъ нѣтъ необходимости терпѣть и даже санкціонировать деморализацію. Мнѣ не кажется неизбѣжнымъ, чтобы для обезпеченія безопасности всѣхъ порядочныхъ женщинъ извѣстное число женщинъ должно было торговать собой, сдѣлаться позоромъ своего пола и спутницей и сообщницей преступниковъ. Нѣтъ, проституція не неизбѣжное зло.

Но если бы и эта страшная и жестокая необходимость и оказалась несомнѣнной,—властямъ все же слѣдовало бы воспретить публичную проституцію, такъ какъ въ этомъ лежитъ главная причина силы и распространенности зла. Да и какъ же можетъ не быть предметомъ особаго попеченія полицейскихъ властей такое гибельное для нравственности явленіе, какъ проституція?

Авторъ одной книги, озаглавленной «Письма изъ Китая», приводитъ указъ, изданный одной неаполитанской принцессой во время ея царствованія въ Авиньонѣ *). Нравы были въ ея время, надо полагать, не лучше современныхъ, и на проституцію она тоже, вѣроятно, смотрѣла, какъ на необходимое зло; но она сознала, по меньшей мѣрѣ, гибельность ея публичнаго признанія и этому поставила преграды. Проститутки обязаны были селиться въ опредѣленныхъ частяхъ города, онѣ подчинялись установленнымъ правиламъ и за нарушенія ихъ были опредѣлены

*) Іоанна Неаполитанская. При вступленіи на престолъ ей было 19 лѣтъ. На нее пало подозрѣніе въ убійствѣ мужа, Андреа Венгерскаго, и она была задушена. Ея смерть искренно оплакивали ученые и писатели, пользовавшіеся пріютомъ при ея дворѣ. Она блистала красотой столько же, сколько и умомъ.

наказанія для женщинъ, а для чиновниковъ—за недостаточно строгое соблюденіе предписаній.

Я убѣжденъ, что многіе не удержались бы отъ насмѣшливой улыбки, если бы прочли эти предписанія, которымъ теперь нѣсколько сотъ лѣтъ отъ роду, но философъ и чиновникъ проникнутый сознаніемъ важности своего долга, усмотрѣли бы въ нихъ доказательство мудрости этой правительницы, сумѣвшей прежде всего поддержать честь своего пола.

Но добрые нравы чтились и въ другихъ странахъ и въ другія времена, правительства считали своимъ долгомъ заботиться о нихъ и охранять ихъ съ помощью законовъ.

Въ Нидерландахъ и въ одной части Германіи проститутки своимъ поведеніемъ никогда не подавали повода къ неудовольствіямъ ни иностранцевъ, ни туземцевъ.

Въ Брюсселѣ, Гентѣ, Антверпенѣ и въ другихъ большихъ городахъ Бельгіи проститутки жили въ особыхъ домахъ и нигдѣ не показывались. Мѣстопребываніе ихъ было извѣстно,—и этого было довольно для удерживанія ихъ въ извѣстныхъ границахъ подъ постояннымъ бдительнымъ окомъ полиціи.

Въ Вестфаліи эти гаремы расположены за городскими окопами, «extra muros», и эти женщины серьезно поплатились бы, если бы вздумали выйти за предѣлы своего мѣстожительства и показаться въ самомъ городѣ.

Въ городѣ Везелѣ былъ случай безпощаднаго наказанія за такое нарушеніе. Одна дѣвушка изъ публичнаго дома явилась однажды на балъ во время карнавала въ маскѣ, вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, посѣщавшимъ ее въ домѣ. Долго она безпрепятственно веселилась и танцо-

вала, но когда приподняла маску, чтобы освѣжить лицо, была узнана однимъ изъ полицейскихъ.

Съ нею было поступлено очень жестоко: ее избили, сорвали съ нея платье и надѣли другое, шерстяное, провели для издѣвательства черни по главнымъ улицамъ города и, наконецъ, присудили ее къ тюремному заключенію.

Казалось бы, какое преступленіе она совершила? Одѣта она была очень изысканно, и маска не позволяла узнать, кто она; держалась она въ высшей степени сдержанно и прилично и съ ней охотно танцовали офицеры съ орденами и другіе мужчины лучшихъ классовъ общества. Многіе отнеслись даже къ ней съ большимъ состраданіемъ и были возмущены грубостью и жестокостью блюстителей порядка.

Но магистратъ усмотрѣлъ принципіальное оскорбленіе нравственности и нарушеніе порядка въ ея появленіи среди порядочнаго общества, и вина ея отягощалась еще тѣмъ, что молодой человѣкъ, котораго она соблазнила, былъ сирота, находившійся на отвѣтственности опекуна.

Быть можетъ, такое поведеніе властей и было слишкомъ сурово и безчеловѣчно, но счастлива, тысячу разъ счастлива та страна, въ которой городскія власти облечены такимъ могуществомъ. Развѣ не лучше поступить даже такъ жестоко, чѣмъ быть вынужденнымъ потомъ карать преступленія? Такъ должна управлять истинная власть *).

Содержатели публичныхъ домовъ въ Вестфаліи отвѣтственны не только за поведеніе женщинъ, но и за малѣйшія безчинства ихъ посѣ-

*) Особенно изумительны такіе взгляды у человѣка, который самъ долгіе годы предавался всевозможнымъ излишествамъ.

тителей. Они обязаны представлять ежедневно полиціи отчетъ обо всемъ, происшедшемъ за истекшіе 24 часа, а также списокъ посѣтителей. Строгій контроль полицейскихъ агентовъ не даетъ возможности обходить это повелѣніе, потому что самое легкое наказаніе, какое имъ могло грозить, это закрытіе и опечатаніе дверей заведенія; понятно, что едва ли кто либо могъ желать подвергаться такому риску.

Наконецъ, на обязанности назначеннаго властями врача лежало слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные дома не распространяли болѣзней. Оказавшаяся заболѣвшей женщина тотчасъ же препровождалась въ больницу и даже за счетъ содержателей дома, такъ какъ власти не считаютъ нужнымъ затрачивать общественныя деньги на то, что можетъ быть полезно только пріѣзжимъ.

Я счелъ нужнымъ остановиться подробнѣе на этихъ порядкахъ, чтобы дать примѣръ того, какъ добросовѣстно исполняютъ нѣкоторыя власти свой долгъ, признавая проституцію необходимымъ зломъ, но лишая ее публичности.

Нѣкоторые возстаютъ противъ жестокихъ мѣръ изъ благородныхъ соображеній о томъ, что причина этого зла коренится частію въ нуждѣ, въ безработицѣ, въ недостаткѣ нравственнаго и религіознаго воспитанія и предпочитаютъ бороться со зломъ, стараясь обратить проститутокъ на честный путь, если ужъ не сдѣлать ихъ вполнѣ добродѣтельными. Не спорю, бываютъ женщины одинокія, безпомощныя и беззащитныя, которымъ ничего другого не остается, какъ предаться проституціи; для такихъ состраданіе можетъ оказаться благодѣтельнымъ.

Но вѣдь есть, къ сожалѣнію и такія, которымъ врождена порочность, которыя, даже,

сами потерявъ возможность торговать собой, совращаютъ молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ, матерей,—и большинство изъ нихъ неспособно испытывать угрызенія совѣсти и вернуться къ добру. Слѣдовательно, нельзя надѣяться, чтобы и со временемъ удалось уничтожить проституцію съ помощью благотворительныхъ учрежденій, работныхъ домовъ и религіозно-нравственнаго воспитанія.

Общество жаждетъ радикальнаго улучшенія этого позорнаго вопроса, а для достиженія этого достаточно осуществить слѣдующія правила, приведя ихъ въ соотвѣтствіе съ мѣстными условіями.

Проституціи должно быть отведено мѣсто на границѣ города, въ мало населенныхъ частяхъ, а если возможно, то и за стѣнами города.

Она должна быть ограничена извѣстными домами и не должна быть публична.

Дома эти могутъ содержаться только такими лицами, которыя имѣютъ на то разрѣшеніе полиціи.

Внутренніе порядки домовъ также всецѣло подлежатъ наблюденію полиціи.

Всякая женщина, обвиненная въ публичной проституціи подлежитъ слѣдствію и установленнымъ за оскорбленіе нравовъ наказаніямъ.

Въ случаѣ повторенной вины, тюремное заключеніе опредѣляется болѣе продолжительное и виновная присуждается къ принудительнымъ общественнымъ работамъ.

Къ обвиняемымъ въ публичной проституціи относятся и тѣ, которыя держатъ въ своемъ домѣ или приводятъ къ другому въ домъ проституто къ подъ видомъ пансіонерокъ, членовъ семьи

или иныхъ наименованій; онѣ также предаются суду и подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ.

Доступъ во всѣ мѣста общественныхъ увеселеній—гулянья, театры, бальныя залы и т. д.—проституткамъ воспрещается. Уличенныя въ нарушеніи этого арестовываются и предаются суду.

Если будутъ приняты поименованныя правила—съ большими или меньшими измѣненіями—и будутъ проведены съ надлежащей строгостью, то не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ, поставленный «Société rayal des prisons», будетъ удовлетворительно разрѣшенъ,—т. е. проституція начнетъ уменьшаться съ момента принятія этихъ мѣръ, а современемъ и совсѣмъ исчезнетъ *).

---

*) Нужно-ли говорить о томъ, какъ поверхностно понимаетъ авторъ записки это страшное зло и какъ наивны предлагаемыя имъ мѣры, предполагающія, помимо всего, взятую, сверхчеловѣческую непогрѣшимость и неподкупность полиціи?

Переводчикъ.

ГЛАВА IV.

Іюльская революція.—Луи Филиппъ.—Гизо.—Февральская революція.—Луи Наполеонъ.—Наполеонъ III.—Кора Перль.—Принцъ Наполеонъ.—Вторая имперія.—Населеніе Франціи.—Демимондъ.—Проституція и полиція.—Публичные дома.—Организація проституціи.—Проститутки и солдаты.—Gemmes galantes.—Сутенеры.—Распутство.—Къ исторіи сифилиса.—Армія и сифилисъ.

Іюльская революція опрокинула шаткій тронъ Бурбоновъ и королемъ французовъ сдѣлался сынъ Филиппа Эгалитэ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій,—«король буржуа», какъ его прозвали. Во Франціи, какъ и во всей Европѣ, въ періодъ паденія великаго корсиканца и изгнанія маленькаго Бурбона, царила отнюдь не образцовая нравственность, несмотря на охрану Священнаго союза. Но время это было все же полно трудныхъ и сложныхъ политическихъ переживаній, многія нанесенныя продолжительными войнами раны еще не затянулись—все это не очень благопріятствовало широкому размаху удовольствій и чувственныхъ наслажденій.

Ко времени восшествія на престолъ Луи Филиппа политическія и соціальныя условія жизни Франціи были еще очень серьезны и тревожны, но жажда наслажденій все же начала уже сказываться. Полтора десятка лѣтъ мира ослабили чувства мести, ненависти и скорби, улучшилось

и народное благосостоянiе, несмотря на дурное въ финансовомъ отношенiи влiянiе хозяйничанья Бурбоновъ, и царствованiе Луи Филиппа отличалось—по крайней мѣрѣ, въ первое десятилѣтiе—бережливостью.

Жизнерадостное дуновенiе пронеслось надъ страной, не сопровождавшееся все же особенными нравственными эксцессами. Быть можетъ этому отчасти благопрiятствовала и частная жизнь королевскаго дома, котораго въ этомъ отношенiи не могли ни въ чемъ упрекнуть даже многочисленные противники его.

Царствованiе Луи Филиппа было истиннымъ господствомъ буржуазiи. Опоры для себя правительство искало исключительно въ среднемъ сословiи, къ которому министръ Гизо, составлявшiй вмѣстѣ съ Тьеромъ главную поддержку организма, обращался съ восклицанiемъ: «Обогащайтесь!»—что было равносильно поощренiю общества къ проституированiю.

И стремленiе къ быстрому обогащенiю дѣйствительно выступало на первый планъ, биржевая дѣятельность закипѣла, захвативъ собой все и всѣхъ и даже самого короля. Къ чести Гизо надо сказать, однако, что онъ лично не набросился на рекомендованное имъ для другихъ обогащенiе. Въ сущности, въ этомъ безнравственномъ поощренiи, въ этомъ отчаянномъ прiемѣ таилось большое знанiе людей и большое презрѣнiе къ нимъ.

Вполнѣ понятно, что при такихъ условiяхъ нравственность въ половомъ отношенiи должна была понизиться еще сильнѣе, потому что такое положенiе вещей являлось очень плодотворной почвой для процвѣтанiя проституцiи. Ко всѣмъ затрудненiямъ, вытекавшимъ изъ политическаго

положенія, присоединились еще экономическія неурядицы.

Враждебное отношеніе къ орлеанскому господству возростало все больше и сильнѣе, пока революція 1848 года, пронесшаяся вихремъ почти черезъ всю Европу, не свергла съ престола Луи Филиппа и его семью. Франція вновь стала республикой.

Эта республика, созданная февральской революціей, вынуждена была вскорѣ выступить на борьбу съ соціалистически настроеннымъ пролетаріатомъ, и послѣ іюньскихъ стычекъ явилась военная диктатура Кавеньяка.

Идейный смыслъ бурныхъ эпохъ больше чувствуютъ, чѣмъ понимаютъ переживающіе ихъ. Такъ было и во Франціи 1848 года. Февральская буря, обрушившая тронъ, поразила даже умы тѣхъ, кто ее предвидѣлъ. Іюньская буря испугала массы, которыя еще такъ плохо понимали соціальную идею, что не могли хорошенько отличить истину ихъ отъ злоупотребленій. Естественная вялость послѣ напряженія, сонливость послѣ возбужденія, жажда покоя послѣ пережитыхъ бурь и грозъ охватила французовъ въ тотъ моментъ, когда они намѣревались упрочить свою революцію выборомъ главы государства. Этотъ выборъ долженъ былъ имѣть огромное, рѣшающее значеніе не только для французскаго государства, а съ нимъ и для политическаго строя Европы, но еще—и прежде всего—и для исхода идейной борьбы демократіи. Оттого-то и произошелъ наполеоновскій цезаризмъ; такъ сдѣлалась республика 1848 года по волѣ народа добычей честолюбца.

Президентомъ республики былъ избранъ Луи Наполеонъ,—чтобы очень скоро—2-го декабря

1851 года—положить конецъ республикѣ и вновь возродить наполеоновскую имперію, вступивъ подъ именемъ Наполеона III на престолъ.

Вырожденіе нравовъ въ продолженіе почти двадцатилѣтняго царствованія новаго Цезаря превзошло даже знаменитую разнузданность эпохи Людовика XV и регентства. Вліяніе его было еще гибельнѣе, потому что оно было глубже и проникало собою почти всѣ слои общества. Тѣмъ успѣшнѣе могло оно расти и распространяться, что оно не только владѣло вкусами и склонностями правителей, но и поощрялось ими, какъ благопріятное для ихъ плановъ и цѣлей средство наркотизированія общества.

Никогда не проявлялась проституція во Франціи такъ самоувѣренно и побѣдоносно, какъ во время второй имперіи и никогда съ такой силой не господствовали тамъ роскошь и мотовство. Весь Парижъ, вся Франція уподобилась огромному увеселительному заведенію, въ которомъ развратъ и безстыдство справляли свои дикія, безумныя оргіи.

Наполеонъ III вступилъ, какъ извѣстно, въ бракъ съ испанской графиней Евгеніей де-Монтихо, поведеніе которой было еще раньше не безупречно. Ходили толки и объ эротическихъ похожденіяхъ императора, но въ общемъ онъ позволялъ себѣ не больше все-таки, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ на французскомъ престолѣ.

Гораздо разнузданнѣе велъ себя его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, о частной жизни котораго, особенно о его отношеніяхъ съ знаменитой Корой Перль—представительницей проституціи «высшаго» сорта—циркулировали самые скандальные слухи. Сплошной оргіей

была также жизнь многихъ авантюристовъ изъ придворныхъ, большая часть которыхъ жила подъ страхомъ того, что такое положеніе вещей недолго продлится, и торопилась взять какъ можно больше наслажденій, пока еще не потеряла власть. Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей должны были пышно расцвѣсти и биржевыя безумства,—и вотъ, помимо политическихъ авантюристовъ, появилась цѣлая армія финансовыхъ, причемъ очень часто то и другое совмѣщалось въ одномъ лицѣ.

Въ высшихъ кругахъ воцарился культъ чрезмѣрной роскоши, совершенно погубившій нравственный характеръ брака. Въ этихъ кругахъ бракъ самъ по себѣ имѣлъ всегда не много большее значеніе, чѣмъ простой договоръ. «Благовоспитанная» дѣвушка аристократическаго или богатаго круга въ Парижѣ, согласно принятому обыкновенію, воспитывалась до двадцатаго года въ какомъ-нибудь монастырѣ и затѣмъ, недолго думая, выходила замужъ за человѣка, котораго выбрали для нея родители и цѣнность котораго опредѣлялась прежде всего по его состоянію и доходамъ,—самое большее, еще и по наружности, но очень рѣдко кто-нибудь освѣдомлялся или интересовался его нравственными качествами.

Мужъ разсматривался просто, какъ нѣчто необходимое для дѣвушки, но въ обладаніе ею вовсе не включалось обладаніе ея любовью, привязанностью, всѣмъ міромъ чувствъ,—все это оставалось въ ея распоряженіи и хранилось ею для другихъ мужчинъ—и только въ исключительныхъ случаяхъ бывало, что и мужъ оказывался возлюбленнымъ. Женитьба и замужество, какъ форма внутренняго единенія, были и для

мужа и для жены дѣломъ совершенно безразличнымъ.

Сплошь и рядомъ случалось въ высшихъ кругахъ, что каждый изъ супруговъ жилъ своей отдѣльной жизнью и сообразно своимъ вкусамъ, и бракъ былъ въ сущности расторгнутъ тотчасъ же, какъ былъ заключенъ. Они соблюдали требованія внѣшняго приличія—и этимъ исчерпывались всѣ обязанности ихъ передъ обществомъ, какъ членовъ его. Въ своемъ собственномъ домѣ они посѣщали другъ друга, если являлось такое желаніе, въ противномъ случаѣ запирались другъ отъ друга. Если богатый мужъ исполнялъ всѣ желанія своей жены, былъ къ ней внимателенъ въ смыслѣ подарковъ драгоцѣнностей и туалетовъ, вводилъ ее въ блестящее общество,—то онъ вполнѣ исполнялъ свой долгъ и считался отличнымъ мужемъ. А если жена питала къ нему, вдобавокъ, дружелюбныя чувства, то она была безупречна и довольна и бракъ считался счастливымъ.

Принципіально вторая имперія ничего въ этомъ не измѣнила, но воцарившаяся въ эту эпоху роскошь пробудила ту безудержную жажду чувственныхъ наслажденій, которая такъ пагубно вліяетъ на нравственныя свойства души.

«Мужъ, который хочетъ исполнить свой долгъ, —говоритъ Шмидтъ Вейсенфельсъ, писавшій, замѣтимъ, въ то время, когда Наполеонъ III стоялъ еще на высотѣ славы,—долженъ быть теперь расточителенъ для своей жены, и жена, если она не захочетъ отставать отъ требованій общества, должна очень скоро потерять въ этой выставкѣ роскоши всякое чувство стыда».

«И эта эпидемія роскоши въ современномъ Парижѣ не ограничивается такъ называемымъ

высшимъ кругомъ, людьми, обладающими большимъ состоянiемъ и проматывающими его или обирающими съ помощью его на биржѣ беднѣйшихъ и несчастныхъ. Зараза проникла дальше и охватила собой высшiй чиновничiй кругъ, зажиточный буржуазный и закралась даже въ среду трудящихся классовъ».

Вѣрно и точно обрисованное здѣсь положенiе осталось такимъ же, почти безъ измѣненiя и послѣ паденiя Наполеона; означало оно не что иное, какъ распространенiе проституцiи на бракъ, который былъ, есть и, вѣроятно, всегда будетъ основой нашего общественнаго строя.

Какое разрушительное влiянiе оказывало это положенiе не только на населенiе Парижа, но и всей Францiи объ этомъ свидѣтельствуютъ многiя явленiя, и статистика народонаселенiя— не послѣднее доказательство въ ряду ихъ. Приростъ населенiя уже издавна во Францiи ниже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы, и перепись 1900 года снова констатировала этотъ прискорбный фактъ.

За десятилѣтiе 1817—1827 ежегодный приростъ населенiя во Францiи равнялся всего 0,63%. Въ первой половинѣ XIX столѣтiя ежегодный приростъ равнялся въ среднемъ приблизительно 0,5%, но и этотъ незначительный приростъ зависѣлъ главнымъ образомъ только отъ уменьшенiя процента смертности, потому что число рожденiй оставалось почти безъ измѣненiй. Согласно даннымъ, опубликованнымъ Легуа, директоромъ статистическаго бюро въ Парижѣ, на миллiонъ жителей приходился въ 1820—1860 годахъ слѣдующiй приростъ:

15.813 душъ въ Великобританiи,
15.020 » » Пруссiи,

11.495 душъ въ остальной Германіи (не считая Австріи)
5.119 » » Франціи.

Во время Реставраціи народонаселеніе Франціи увеличивалось ежегодно на 0,69%, въ царствованіе Луи Филиппа—на 0,55%, за десятилѣтіе 1851—1861—на 0,47%. Не многимъ благопріятнѣе цифровыя данныя послѣдующихъ и совсѣмъ недавнихъ лѣтъ.

Во время второй имперіи извѣстной части проституціи присвоено было названіе демимонда—полусвѣта, берущее свое начало отъ заглавія романа, а также драмы Дюма-младшаго. Онъ пользуется образомъ, разсказывая о персикѣ, очень красивомъ и заманчивомъ на видъ, но который торговецъ меньше цѣнитъ и дешевле уступаетъ изъ-за того, что на немъ виднѣется едва замѣтная черная точка, свидѣтельствующая о внутренней порчѣ плода.

Онъ хочетъ сказать, что таковы бываютъ иныя женщины; онѣ не принадлежатъ къ «свѣту», т. е. къ обществу, а составляютъ особый міръ,— полусвѣтъ. Эта разновидность была не нова, правда,—не впервые созрѣла она на деревѣ наполеоновскаго режима, но подъ его покровительствомъ она достигла такого пышнаго расцвѣта, что не безъ основанія ей было присвоено именно въ эту эпоху отдѣльное наименованіе, хотя оно обыкновенно примѣняется ко всей проституціи.

Демимондъ—вотъ главная причина всей этой роскоши всей жадной погони за наслажденіями, всей расточительности; вотъ выраженіе безнравственности, которая вызывается всѣмъ этимъ. Онъ—тотъ огромный резервуаръ, въ которомъ скопляется болѣзнь общества, его гніеніе. Деми-

мондъ,—этотъ соціальный результатъ всѣхъ деморализующихъ вліяній наполеоновскаго режима и парижскаго вавилонскаго строя,—включаетъ въ себя и тѣхъ, которыя изъ-за роскоши лишились добродѣтели, и тѣхъ, которыя продаютъ свою добродѣтель на пиру роскоши.

И сверху, и снизу стекаются сюда всѣ элементы, составляющіе жадный и ненасытный слой поразитовъ общества, безсовѣстно пожирающій весь народный трудъ, все благосостояніе, созданное этимъ трудомъ—и притомъ съ такимъ видомъ, точно прямое назначеніе порока въ томъ, чтобы презирать и глумиться надъ добродѣтелью.

И логика соціальныхъ явленій какъ бы оправдываетъ существованіе этого полусвѣта блеска и мотовства. Оторванная отъ своего мужа, павшая женщина высшаго свѣта видитъ въ своемъ пріобщеніи къ демимонду извѣстное удовлетвореніе, вознагражденіе за то разочарованіе, которое вынесла изъ своего брака. Лоретка, состоящая на содержаніи у какого-нибудь биржевого спекулянта, придворнаго, посланника, съ полной самоувѣренностью занимаетъ свое мѣсто въ этомъ мірѣ, смотритъ на себя, какъ на необходимый элементъ въ этомъ всеобщемъ стремленіи къ роскоши и мотовству. Удовлетворяя этой потребности и разоряя своихъ любовниковъ, она получаетъ въ своихъ глазахъ оправданіе своему существованію.

Въ этотъ демимондъ, составляющій въ настоящее время средній общественный классъ между аристократіей и невинностью, является и дама, разоренная роскошью, и бѣдная швея, соблазненная развратникомъ и зараженная жаждой роскоши. И къ этому міру самой утончен-

ной и самой чувственной жажды наслажденій, только слегка замаскированной и удерживаемой въ формахъ аристократической порядочности, относится не только поразитствующая и содержимая группа женщинъ, но и вся пестрая и жалкая толпа обманутыхъ и брошенныхъ возлюбленныхъ, компаньонокъ, камеристокъ и прислугъ.

Въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось за тридцать слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени возникновенія этого названія. Демимондъ такъ-же существуетъ и теперь, въ Парижѣ и повсюду,—его можно встрѣтить во всѣхъ классахъ общества и очень легко онъ вырождается въ голую проституцію, не считающую нужнымъ даже сохранить лицемѣрный стыдъ.

Проституція имѣетъ свою внутреннюю организацію и свои подраздѣленія, о чемъ мы ниже поговоримъ, но кромѣ этого у нея есть еще и внѣшняя организація и подраздѣленія, вызываемыя отчасти традиціей, отчасти соображеніями врачебно-полицейскаго характера.

Парижская полиція считаетъ проституткой всякую женщину, вступающую открыто и безъ особеннаго разбора въ половыя сношенія за деньги. Вотъ эта-то группа—и только эта, хотя она составляетъ, конечно, только незначительную часть существующей проституціи,—подлежитъ санитарному надзору полиціи, ей она ведетъ списки и подчиняетъ ее также принудительнымъ періодическимъ врачебнымъ освидѣтельствованіямъ.

Число зарегистрированныхъ проститутокъ равнялось въ 1867 году всего 3853 ч., число же тайныхъ навѣрное во сто разъ больше.

Парижъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ,

въ каждомъ изъ которыхъ существуетъ полицейскій инспекторъ, надзирающій за проституціей. На ихъ обязанности лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію улицахъ поднадзорныя женщины не позволяли себѣ ничего незаконнаго, арестовывать тѣхъ, которыя незаконно практикуютъ позорный промыселъ, а также тѣхъ, которыя уклоняются отъ предписаннаго врачебнаго осмотра. Наконецъ, они же вѣдаютъ и надзоръ за публичными домами или, иначе, домами терпимости.

Состоящія подъ надзоромъ женщины живутъ или въ одномъ изъ этихъ домовъ или же отдѣльно. Если какая нибудь не занесенная въ списки женщина арестовывается за проституцію, но отрицаетъ свое занятіе этимъ ремесломъ, то ее обыкновенно немедленно освобождаютъ. Но если она задерживается снова по подозрѣнію въ проституціи, то ее принуждаютъ стать подъ врачебно-полицейскій надзоръ.

Въ такомъ случаѣ, женщина обязана подать объ этомъ прошеніе въ полицію и представить при немъ свое метрическое свидѣтельство; полиція удостовѣряется, нѣтъ-ли какихъ препятствій къ разрѣшенію, а если оказывается что просительница еще не достигла совершеннолѣтія, полиція извѣщаетъ о ея ходатайствѣ родителей или опекуна дѣвушки, чтобы дать имъ возможность удержать ее отъ этого позорнаго шага.

Если препятствій никакихъ не встрѣчается, то ей выдается изъ полиціи билетъ на право заниматься проституціей, причемъ она должна подписать обязательство, что добровольно подчиняется всѣмъ распоряженіямъ полиціи по этому поводу. Содержательницы публичныхъ домовъ,—«dames des maisons»—обязаны заявлять полиціи

о каждой поступающей къ нимъ женщинѣ въ самый день ея поступленія.

По полученіи билета, женщина подвергается освидѣтельствованію врача, который, смотря по результату осмотра, либо выдаетъ ей свидѣтельство о здоровьи, либо отправляетъ ее въ больницу. Женщины, живущія самостоятельно, обязаны подвергаться медицинскому освидѣтельствованію не рѣже, какъ въ двухнедѣльные промежутки, а живущія въ домахъ—еженедѣльно. Если врачъ въ сомнѣніи, какъ это часто можетъ случаться, есть-ли на лицо заразительная болѣзнь, то онъ предписываетъ женщинѣ воздержаніе отъ своего ремесла въ теченіе извѣстнаго промежутка времени.

Если находящаяся подъ полицейскимъ надзоромъ проститутка желаетъ оставить этотъ промыселъ (извѣстный изслѣдователь, Паранъ Дюшатлэ утверждаетъ, что большинство выражаетъ это желаніе по истеченіи 1—3 лѣтъ), то она должна заявить объ этомъ полиціи и указать, чѣмъ она отнынѣ намѣревается заниматься. Затѣмъ имя ея вычеркивается изъ списковъ—тотчасъ же, или черезъ нѣкоторое время наблюденія за нею.

Скажемъ нѣсколько словъ о жизни проститутокъ въ публичныхъ домахъ. Содержательницы, бывшія въ большинствѣ случаевъ сами проститутками въ молодости, кормятъ и одѣваютъ содержащихся у нихъ женщинъ, которыя уплачиваютъ имъ за это большую часть, а иногда и цѣликомъ всю цѣну своего позора. Въ большинствѣ случаевъ имъ остается для себя только то, что онѣ получаютъ сверхъ установленной платы.

Большинство хозяекъ этихъ домовъ крайне

алчны и обращаются дурно съ женщинами, если ихъ «притягательная сила» ослабѣваетъ. Случается, что хозяйки разныхъ домовъ обмѣниваются между собою женщинами, хотя обыкновенно между ними царитъ не особенная дружба. Нерѣдко также одна изъ содержательницъ отбиваетъ у другой какую-нибудь красивую женщину, вслѣдствіе чего часто между ними происходили такія сцены, что полиція вынуждена была запретить женщинамъ поступать послѣ ухода изъ одного дома въ другой, ранѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли.

Помимо публичныхъ домовъ, существуютъ еще такъ называемые maisons de passe,—нѣчто въ родѣ постоялыхъ домовъ, въ которыхъ проститутки могутъ временно нанимать комнаты для своихъ цѣлей. Такіе дома часто посѣщаются также тайными проститутками. Полиція недружелюбно относится къ такимъ домамъ, такъ какъ контроль надъ всѣмъ, совершающимся тамъ, большей частію невозможенъ. Чтобы сохранить нѣкоторую возможность надзора, полиція заставляетъ содержательницъ такихъ домовъ принимать хоть двухъ находящихся подъ надзоромъ проститутокъ, чтобы такимъ образомъ придать дому характеръ публичнаго дома.

Тайныя проститутки самаго низшаго сорта, если онѣ не находятъ никого, кто увелъ бы ихъ къ себѣ на квартиру или какъ-нибудь иначе позаботился о помѣщеніи самъ, ночуютъ обыкновенно въ «garnis», меблированныхъ комнатахъ, гдѣ онѣ за 2—3 су получаютъ жалкое убѣжище на ночь.

Къ этой категоріи относятся также «filles à soldats»—проститутки, имѣющія кліентуру среди солдатъ, слоняющихся вблизи казармъ и отдаю-

щихся солдатамъ за какую-нибудь мелочь, иногда за кусокъ хлѣба, который отрываютъ отъ своего рта бѣдняги—чувственники. Имъ строго запрещено уносить изъ казармъ пищевые продукты и это запрещеніе подкрѣпляетъ также личнымъ обыскомъ. Одинъ, полковникъ, замѣтившій, что его солдаты похудѣли, постарался произвести разслѣдованіе и тогда обнаружилось, что солдаты отдавали свой хлѣбъ проституткамъ, бросая имъ его изъ оконъ.

Цѣлый день эти женщины проводятъ въ трактирахъ и харчевняхъ неподалеку отъ казармъ и тамъ же встрѣчаются съ солдатами, танцуютъ съ ними, дурачатся, а затѣмъ уединяются въ темныя каморки, въ которыхъ венерическая зараза распространяется, какъ пожаръ.

Этотъ родъ проституціи доставляетъ полиціи много хлопотъ, такъ какъ трактирщики, которымъ эти женщины доставляютъ много покупателей и большой сбытъ напитковъ и прочаго, помогаютъ имъ скрываться. Для собственной выгоды трактирщики стараются привлечь въ свое заведеніе какъ можно больше такихъ женщинъ, потому что тамъ количество цѣнится больше, чѣмъ качество; да и большинство женщинъ этой категоріи до того безобразны, что могутъ разсчитывать понравиться только развѣ пьянымъ мужчинамъ и впотьмахъ.

Въ этихъ грязныхъ кабакахъ принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ всевозможные преступники, воры и пр., а отъ сношенія съ ними не могутъ не страдать, разумѣется, порядокъ и дисциплина солдатъ.

Остается упомянуть еще объ одной категоріи—проститутокъ - воровокъ—составляющихъ очень многочисленную группу. Онѣ состоятъ

обыкновенно въ шайкѣ карманныхъ воровъ и другихъ, въ средѣ которыхъ имѣютъ любовниковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ пристаютъ обыкновенно къ старикамъ и подобнымъ мужчинамъ, которые меньше всего расположены, повидимому, отозваться на это приставаніе. Когда ихъ прогоняютъ, онѣ не отстаютъ, а когда отъ нихъ стараются избавиться, онѣ подымаютъ суматоху и обокрадываютъ карманы своихъ жертвъ.

Другія пристаютъ къ неопытнымъ молодымъ людямъ, толпятся вокругъ нихъ кучками и точно такъ же поступаютъ съ ними, когда тѣ отдѣлываются отъ ихъ назойливыхъ зазываній. Третьи норовятъ приставать къ пьянымъ. Нѣкоторыя сравнительно честныя проститутки не упускаютъ случая присвоить себѣ все что найдутъ въ карманахъ своихъ посѣтителей, но это онѣ не называютъ кражей, это называется только «не зѣвать».

Очень рѣдко такія кражи наказываются, такъ какъ обокраденные въ большинствѣ случаевъ избѣгаютъ жаловаться изъ боязни насмѣшекъ знакомыхъ и довольствуются тѣмъ, что принимаютъ свою потерю, какъ урокъ на будущее.

Но проститутки повыше сортомъ обыкновенно никогда не грѣшатъ подобнымъ; единственно, что онѣ иногда позволяютъ себѣ украсть, это платья, которыя даютъ имъ заимообразно содержательницы домовъ.

Помимо перечисленныхъ категорій профессіональныхъ проститутокъ, существуетъ еще одна: женщины ведущія тайно такую жизнь или же служащія проституціи различными путями. Извѣстныя подъ именемъ «femmes galantes» бываютъ обыкновенно любовницами на содержаніи, ко-

торыя, для увеличенія своихъ доходовъ, принимаютъ тайкомъ отъ содержателя другихъ мужчинъ.

Такъ какъ имъ важнѣе всего утаить это отъ содержателя, то онѣ открыто не предлагаютъ себя, а устраиваютъ такъ, что мужчины ищущіе сношеній съ такими женщинами, слѣдуютъ за ними на домъ или въ другое подходящее мѣсто. Эти продаютъ свою благосклонность дороже, чѣмъ другія и такъ какъ онѣ бываютъ почище, то считаются очень привлекательными.

Есть еще извѣстный классъ актрисъ, представляющихъ свои характерныя особенности и своеобразную привлекательность. Существуютъ еще въ Парижѣ,—гдѣ можно найти всевозможныя разновидности, — женщины, принимающіе мужчинъ только въ опредѣленные часы дня и запирающія передъ ними двери въ остальное время; вечера онѣ проводятъ съ своими избранными любовниками, на балахъ и въ театрахъ.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о безконечномъ многообразіи разновидностей,—достаточно упомянуть объ одной дамѣ, которая гарантировала всѣмъ своимъ посѣтителямъ здоровье и въ этихъ видахъ принимала только избранный кругъ женатыхъ мужчинъ. Новый посѣтитель могъ получить доступъ только съ согласія одного изъ прежнихъ и когда комунибудь случалось овдовѣть, онъ лишался доступа.

Очень важную роль играетъ категорія сводницъ. Она состоитъ большей частью изъ женщинъ, бывшихъ прежде сами проститутками, а затѣмъ избравшихъ своей профессіей вовлеченіе въ проституцію возможно большаго числа молодыхъ дѣвушекъ и посредничество по ихъ поставкѣ. Онѣ состоятъ въ союзѣ съ содержа-

тельницами домовъ, отъ которыхъ получаютъ плату по степени своихъ услугъ.

Многія изъ нихъ торгуютъ еще, кромѣ того, модными товарами или занимаются другимъ подобнымъ побочнымъ дѣломъ, подходящимъ и выгоднымъ при ихъ главной спеціальности.

Еще одна категорія, носящая названіе «marcheuses» состоитъ изъ болѣе или менѣе пожилыхъ женщинъ, очень хорошо знакомыхъ по собственному опыту съ пріемами проституціи; эти служатъ помощницами содержательницъ. Въ ихъ обязанности входитъ стоять на порогѣ дома и зазывать прохожихъ, а иногда еще сопровождать вышедшихъ на охоту женщинъ.

Страсть къ праздности, къ мотовству, къ пьянству и ко лжи являются характерными свойствами проститутокъ всѣхъ категорій. Забеременѣваютъ онѣ очень рѣдко, вслѣдствіе излишествъ, болѣзней и употребляемыхъ ими предохранительныхъ средствъ, но Паранъ Дюшатлэ утверждаетъ, что все же гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ утверждаетъ также, что многія проститутки не прерываютъ свой промыселъ и въ теченіе тѣхъ дней, когда у нихъ бываютъ менструаціи, причемъ употребляютъ нѣкоторыя средства, чтобы скрыть внѣшніе знаки ихъ.

Страшной язвой проституціи, которой боится и полиція, являются любовники, которыхъ содержатъ женщины этой профессіи. Они рекрутируются изъ разныхъ слоевъ общества; самая низменная категорія ихъ носитъ названіе сутенеровъ.

Главная роль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разыгрывать защитника проститутокъ въ глазахъ ихъ товарокъ, публики и полиціи. Если

проститутка имѣетъ быть арестована, такой защитникъ подымаетъ вмѣстѣ со своими пріятелями суматоху, въ которой женщина получаетъ возможность ускользнуть. Если полиція арестовываетъ проститутку за воровство или за утаенную венерическую болѣзнь — дѣло сутенера позаботиться отомстить доносчику, хотя бы это былъ самъ потерпѣвшій. Не рѣдки случаи, когда на такого доносчика нападаютъ ночью на улицахъ и избиваютъ или наносятъ раны ножомъ.

Вліяніе, которымъ пользуются эти сутенеры на проститутокъ, неимовѣрно огромно. Они часто мучаютъ рабски подчиненныхъ имъ женщинъ, даже когда онѣ больны и затѣмъ отнимаютъ у нихъ почти безъ остатка всѣ добытыя ими деньги. Поразительно то, что иногда проститутка ненавидитъ своего мучителя—и все же не можетъ и не хочетъ отдѣлаться отъ него.

Онѣ полагаютъ особую гордость въ томъ, чтобы щегольски наряжать своего «Альфонса» (такъ прозываютъ въ Парижѣ сутенеровъ; въ Берлинѣ ихъ обычное прозвище «Луи», а въ Вѣнѣ — тоже чуждое австрійцу по звуку — имя «Стрицци»); иногда его туалетъ представляетъ для нея предметъ даже большихъ заботъ, чѣмъ ея собственный.

Иногда у проститутки бываетъ и настоящій возлюбленный или же она искренно любитъ своего сутенера и нѣжно предана ему, несмотря на то, какъ мало благопріятствуетъ ея профессія такимъ чувствамъ. Нерѣдко случается, что поступающая въ публичный домъ женщина выговариваетъ себѣ при поступленіи право принимать по нѣсколько разъ въ недѣлю безплатно своего любовника,—и обыкновенно ей это раз-

рѣшаютъ, иначе ее трудно было бы держать въ домѣ.

Мы уже говорили о тюремной жизни проститутокъ. Но для полноты необходимо упомянуть еще объ одномъ явленіи, о которомъ говоритъ еще Аппертъ, — слѣдовательно, съ нимъ приходилось серьезно считаться еще въ эпоху Луи Филиппа.

«Въ тюрьмахъ существуетъ огромное количество преступниковъ - мужчинъ, желающихъ считаться женщинами, и преступницъ—женщинъ, желающихъ играть роль мужчинъ. Пороки и проституція, которую они влекутъ за собой, являются самой главной причиной, по которой я старался всегда, насколько это только было возможно, чтобы заключенныхъ изолировали на ночь.

«Не хочу описывать, съ какимъ безстыдствомъ и какой наглостью глумятся эти безнравственныя созданія надъ всѣми препятствіями, надъ всѣми наказаніями, предаваясь самому гнусному противоестественному разврату. Ревность женщинъ другъ къ другу доходитъ до настоящаго безумія—иногда приводитъ даже къ убійству «измѣнницы». Самое печальное въ этомъ то, что преступники, усвоившіе этотъ порокъ въ тюрьмѣ, по освобожденіи обыкновенно не могутъ отвыкнуть отъ него.

«Туалетъ, манеры, характеръ, голосъ—все такъ необычно у этихъ созданій, являющихся въ одно и то же время мужчинами и женщинами, что невольно бросается въ глаза и всякій отличитъ ихъ съ перваго же взгляда отъ всѣхъ остальныхъ. Вотъ почему власти безъ труда могли бы, если бы только серьезно озаботились этимъ, принять свои мѣры для воспре-

пятствованія такимъ противоестественнымъ союзамъ».

Рѣчь идетъ здѣсь о старомъ, все больше и больше обращающемъ на себя вниманіе порокѣ, который составилъ особенно въ послѣдніе годы XIX столѣтія предметъ усиленнаго научнаго изслѣдованія. Намъ еще придется вернуться къ этому.

Должны ли быть отведены для проституціи особые публичные дома, или ей должна быть предоставлена свобода,—разумѣется, подъ контролемъ полиціи?—вотъ давнишній спорный вопросъ, еще до сихъ поръ не получившій удовлетворительнаго разрѣшенія и все снова и снова выдвигаемый на очередь. Одни изслѣдователи высказываются за первое, утверждая, что въ интересахъ общаго порядка и нравовъ публичнымъ домамъ необходимо оказывать покровительство и увеличить ихъ число. Другіе—врачи, политико-экономы, историки культуры и т. д.—высказываются противъ нихъ, отрицая даже полезность публичныхъ домовъ въ вопросѣ большей защиты отъ распространенія страшнаго сифилиса.

И здѣсь возникаетъ пилатовскій вопросъ; «что есть истина»?

Единичныя попытки, дѣлавшіяся время отъ времени, въ сущности, ничего не могли дать для правильнаго сужденія по этому вопросу, потому что онѣ заставляютъ дѣлать выводы изъ данныхъ, покоящихся на гипотезахъ и на обманчивыхъ показаніяхъ статистическихъ цифръ. Фактъ во всякомъ случаѣ таковъ, что въ большинствѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была уничтожена система публичныхъ домовъ, вскорѣ обнаружилась необходимость учрежденія ихъ вновь.

Впрочемъ, существованіе публичныхъ домовъ никогда еще не мѣшало и никогда не можетъ помѣшать отдѣльному существованію свободной проституціи. И тамъ, гдѣ принимались мѣры борьбы съ нею, результатомъ сказывалось только усиленіе тайной проституціи.

Нельзя не отмѣтить, въ ряду выводовъ различныхъ изслѣдователей, поразительное наблюденіе англичанина В. Актона, въ сочиненіи котораго «Prostitution» (Лондонъ, 1857) мы находимъ слѣдующее: «Всѣ изслѣдователи единодушно подтвердятъ сдѣланное мною наблюденіе, что ни одинъ классъ женщинъ такъ не свободенъ отъ общихъ болѣзней, какъ проститутки». Нѣкоторые французскіе врачи также приписываютъ имъ желѣзное здоровье («santé de fer»), не будучи, однако, въ состояніи объяснить это явленіе.

Быть можетъ, объясненіе надо искать въ томъ, что болѣзненныя женщины очень рѣдко предаются публичной проституціи и что сильнѣе развитая чувственность—являющаяся вѣдь часто причиной проституціи—и требуетъ, и обнаруживаетъ больше жизненной силы.

Но такъ или иначе, проституція является распространительницей сифилиса, а помѣшательство и пьянство также встрѣчаются въ ихъ средѣ гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ общественныхъ слояхъ.

Какъ разсказываетъ авторъ «Основъ обществовѣдѣнія», очень долго ни одна больница не соглашалась принимать сифилитическихъ больныхъ, и больные, принадлежавшіе къ бѣднѣйшимъ классамъ, изгонялись въ поля и лѣса. Когда, наконецъ, парижскій парламентъ издалъ законъ, согласно которому они должны были быть принимаемы однимъ изъ госпиталей,—каждаго боль-

ного передъ его принятіемъ подвергали ударамъ плетьми, и этотъ варварскій обычай существовалъ во всей строгости до 1700 года.

Но даже этому безчеловѣчному обращенію подвергались одни мужчины; съ несчастными женщинами поступали, по обыкновенію, еще болѣе гнусно,—такъ какъ женщинамъ совсѣмъ отказывали въ призрѣніи, оставляя на ихъ долю одно только презрѣніе. Можно представить себѣ всю глубину ихъ несчастья,—когда онѣ, безпомощныя, были обречены заживо гнить, съ сердцемъ, страдающимъ отъ горечи безчестія и муки негодованія, наполняющаго всякую человѣческую душу при смутномъ сознаніи несправедливости и обиды.

Только въ 1683 году для нихъ было отведено маленькое отдѣленіе въ одномъ госпиталѣ, но что это было за помѣщеніе! Никакая фантазія не можетъ нарисовать болѣе ужасной картины грязи и запущенности, чѣмъ представляло это помѣщеніе, описанное Дюшатлэ, въ которомъ массами умирали несчастныя больныя, а если и уцѣлѣвали, то превращались въ движущіеся скелеты.

Но и этотъ жалкій пріютъ давался нелегко: приходилось долго ждать, иногда по цѣлому году, пока освобождалась койка для больной, потому что помѣщеніе было приспособлено всего для 100 больныхъ—мужчинъ и женщинъ, вперемежку. Это ужасающее положеніе вещей оставалось такимъ еще и въ 1783 году. Только благородными усиліями одного гуманнаго врача, служившаго въ госпиталѣ, тогда удалось создать лучшія учрежденія.

Дюшатлэ, у котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, написалъ вышеназванное сочиненіе въ 1835 году. Тогда еще во Франціи было мало

больницъ, принимавшихъ сифилитиковъ. Люди бѣдные, которые дома не могли имѣть ни ухода, ни леченія, вынуждены были поэтому тащиться съ своей болѣзнью въ Парижъ, гдѣ находили помощь и леченіе тоже только въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Но во второй половинѣ XIX столѣтія положеніе значительно улучшилось.

Помѣщенія для призрѣнія сифилитиковъ были устроены гораздо лучше и способы леченія, примѣненные докторомъ Рикордомъ и другими, были вскорѣ признаны лучшими и послужили образцомъ другимъ городамъ и учебнымъ заведеніямъ.

Докторъ Лука Кальдеронъ (въ 1815 году) и докторъ Ланглеберъ (въ 1815 году) предприняли рядъ опытовъ съ предохранительными противъ зараженія сифилисомъ средствами, которыя ими и были изобрѣтены. Повидимому, эти жидкости оказались такъ же мало дѣйствительными, какъ и многія позднѣе изобрѣтенныя средства.

Болѣе полезными оказались и получили большее примѣненіе препараты, названные по имени ихъ французскаго изобрѣтателя кондомами и имѣвшіе странную судьбу: въ 1816 году они были запрещены папской грамотой и подвергнуты проклятію за то, что ими пытаются помѣшать Провидѣнію наказывать человѣка болѣзнью того члена, съ помощью котораго онъ согрѣшилъ.

Существенную пользу леченію сифилиса принесъ Куртуа, открывшій въ 1811 году іодъ и изготовившій изъ него препаратъ—іодистый кали. Вслѣдъ за Парижемъ, добились крупныхъ успѣховъ въ леченіи этой тяжкой болѣзни и вѣнскіе ученые, а за ними послѣдовали и германцы.

Надо сказать, однако, что эти успѣхи парализовались усиленнымъ распространеніемъ

сифилиса, которому способствовалъ чрезвычайный ростъ милитаризма во второй половинѣ XIX столѣтія.

«Самымъ тяжкимъ видомъ распространенія сифилиса,—говоритъ д-ръ Юлій Кюнъ въ своей «Prostitution im XIX Jahrhundert»,—является тотъ, которымъ мы обязаны войскамъ. Даже кратковременная война 1866 года свидѣтельствуетъ о томъ, въ какое короткое время многочисленная армія можетъ невѣроятно распространить сифилисъ... Сѣверной войнѣ приписываютъ Radesyge и Дитмаровскую болѣзнь въ Норвегіи и Даніи, Кромвеллевскимъ войнамъ—Silbous въ Шотландіи, путешествіямъ португальцевъ и испанцевъ съ цѣлью открытія новыхъ земель—мѣстныя западно-индійскія разновидности сифилиса. Словомъ, всѣ войска, какъ въ военное, такъ и въ мирное время могутъ похвастать завидной привилегіей—имѣть въ своей средѣ наибольшее число сифилитиковъ.

«Если это вѣрно въ отношеніи сухопутныхъ войскъ, то еще несомнѣннѣе это въ отношеніи морскихъ войскъ, матросовъ. Возвращаясь въ порты изъ различныхъ странъ, послѣ всѣхъ опасностей и невзгодъ плаванія, они съ безудержной страстностью стараются вознаградить себя на сушѣ за воздержаніе и лишенія, которымъ подвергались въ морѣ. Очень часто они возвращаются серьезно больными, переносятъ заразу на проститутокъ въ приморскихъ гаваняхъ и такимъ образомъ еще ужаснѣе распространяютъ въ этихъ городахъ болѣзни, имѣющія и безъ того безчисленное множество различныхъ источниковъ.

ГЛАВА V.

Бульвары.—Республика и Имперія.—Биржа и проституція. Грипетки.—Лоретки.—Bal Mabille.—Канканъ.—Латвинскій кварталъ.—Третья республика.—Кокотки.—Folies Bergére.—Полиція и проституція.—Публичные дома высшаго сорта.—Les voyeurs.—Maîtreschanteurs.—Demi castor.—Монмартръ.—Контрагенты проституціи. Француженки.

Интересныя свѣдѣнія находимъ мы въ очеркахъ Теодора Мундта «Pariser Kaiser-Skizzen» о жизни и нравахъ въ Парижѣ въ первый періодъ царствованія Наполеона III. Заимствуемъ отсюда нѣсколько мѣстъ, характеризующихъ состояніе нравовъ и проституціи въ эту эпоху.

Парижскіе бульвары—этотъ вѣчно движущійся и измѣнчивый калейдоскопъ—сдѣлались живымъ отраженіемъ французскаго характера. Ни при конституціонной монархіи Людовика Филиппа, ни во время республики и наполеоновской имперіи теченіе жизни бульваровъ не измѣнилось сколько-нибудь существенно. Только въ общественной нравственности оба эти послѣдніе режима сдѣлали безспорные успѣхи.

«Хотя эпоха короля-буржуа и выставила на своемъ знамени честность и добропорядочность прежде всего, все же она обнаруживала большую снисходительность въ смыслѣ публичной терпимости къ проституціи: она раскинула свой лагерь

на бульварахъ и безудержно неистовствовала тамъ въ самыхъ чудовищныхъ формахъ.

«Правда, Луи Филиппъ очистилъ старыя дворцовыя авгіевы конюшни отъ посѣтительницъ съ обнаженными грудями и въ особенности галлерею Орлеановъ, въ которой пышно разрослась старая династическая грязь ancien régime; были изгнаны всѣ шнырявшія тамъ въ ночные часы жрицы, наслѣдницы и преемницы тѣхъ похожденій, въ которыя вовлекались даже принцессы изъ орлеанскаго дома.

«Но выгнавъ ихъ отсюда, полиція Луи Филиппа смела весь этотъ рой на бульвары, куда нахлынула проституція необозримыми колоннами и пестрѣла на нихъ въ извѣстные часы всѣми красками то изящныхъ, то сказочныхъ и непристойныхъ фигуръ.

«Все это исчезло изъ упорядочившейся и ставшей нравственнѣе уличной жизни республики 1848 года. Но когда республика предприняла эту очистку, то этимъ она только обозначила, въ сущности, тотъ поворотный пунктъ, послѣ котораго дурные и испорченные элементы общества обратились внутрь соціальной жизни, чтобъ угнѣздиться тамъ и начать подтачивать самое ядро общественнаго организма.

«Новая имперія поддержала эту своеобразную реакцію и помогла ей проявиться вполнѣ. Благодаря этой реакціи, проститутки и куртизанки, шнырявшія прежде только за баррьерами общества, проникли въ самую середину его и заняли тамъ прочныя мѣста, почувствовавъ себя такъ свободно, какъ никогда до тѣхъ поръ и вступивъ въ конкурренцію съ нравственными устоями и условіями общества.

«Въ настоящее время проституція начала съ-

организовываться среди французскаго общества, утверждая этимъ свое основное существованіе; въ то же время выходцы ея, прежде окрашивавшіе собою физіономію улицъ все больше и больше обособлялись отъ нея и только въ единичныхъ явленіяхъ представляютъ теперь совершенно прогнившую сферу порока.

«Проникновеніе куртизанокъ въ общество, чему представляютъ ужасающія свидѣтельства и новѣйшія парижскія театральныя пьесы,—перемѣстило въ имперіалисткую эпоху центръ всѣхъ общественныхъ интересовъ.

«Прежде существовалъ во всякомъ случаѣ центръ, болѣе или менѣе прочно установившійся силой нравственнаго закона и стремившійся осуществиться въ формѣ брака и семьи, несмотря на всѣ уклоненія, случавшіяся при этомъ. Теперь же биржевая игра опрокинула этотъ центръ и своими спекуляціями, противными сколько-нибудь щепетильному человѣческому чувству, пробила въ соціальныхъ отношеніяхъ брешь, къ которой совершенно не подходятъ такіе элементы степенности и покоя, какъ бракъ и семья, и которая можетъ быть заполнена всего легче и удобнѣе только родственнымъ биржѣ элементомъ проституціи.

«Вотъ почему положеніе вещей при имперіи будетъ охарактеризовано всего полнѣе, если представить эту чудовищную разнузданность биржевой игры, охватившей всѣ классы и поощряемой имперіализмомъ въ силу всей природы и всѣхъ цѣлей ея,—наряду съ разрывомъ всѣхъ положительныхъ узъ общества и отравленіемъ соціальнаго организма проституціей».

Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія заим-

ствуемъ мы у того же автора о гризеткахъ и лореткахъ.

«Стоитъ только бросить взглядъ на новѣйшую французскую литературу и на парижскій театръ, чтобы съ изумленіемъ убѣдиться въ томъ, что наряду съ интересами наживы, исключительно волнующими и одушевляющими въ настоящее время всѣ классы во Франціи, существуетъ еще только одно единственное теченіе, волнующее и взбудораживающее общественную жизнь: половые интересы и разгулъ.

«Подавленіе духовной жизни и преслѣдованіе всякаго свободнаго обмѣна мыслей, на которыя искони опиралась наполеоновская правительственная программа,—въ настоящее время съ помощью вновь объявленнаго рычага биржевой спекуляціи, обрушились съ ужасающей силой на нравственные элементы общественнаго строя.

«Какъ биржа обратилась въ проституціонное заведеніе для всей души народной,—такъ проституція, наоборотъ, приняла характеръ благороднаго биржевого предпріятія, и взлетѣла благодаря этому, на такую блестящую общественную высоту, до которой еще никогда не возносилась до сихъ поръ. Смѣшеніе проституціи съ домашней и семейной жизнью дошедшее до возможности смѣшать и отождествить порядочную женщину съ куртизанкой приняло такіе размѣры, что нельзя считать преувеличеннымъ опасеніе увидѣть снова подточеннымъ самое цѣнное жизненное ядро общества.

«Съ низверженіемъ господства Луи Филиппа погибъ и старый институтъ парижскихъ гризетокъ во всей своей благодушной организаціи. Уже въ послѣдніе годы конституціонной монархіи въ Парижѣ ихъ почти не оставалось въ

прежнемъ, спеціально парижскомъ смыслѣ этого слова. Эта разновидность начала вырождаться, начала утрачиваться та здоровая народная основа, которая придавала часто этому институту необычайно прочный, почти нравственный характеръ.

Въ своемъ прежнемъ видѣ гризетка представляла трогательный образъ французской женственности. Одѣтая просто, безъ всякихъ украшеній, въ традиціонномъ идиллическомъ чепчикѣ (bonnet à pompons) на головѣ, она умѣла подкрѣпить свою очаровательность не блестящей модной внѣшностью, а своей природной красотой, веселостью и привѣтливостью, нѣжнымъ и истинно любящимъ сердцемъ.

«Дѣло въ томъ, что самой характерной особенностью парижской гризетки было то, что любовь занимала прочное мѣсто въ ея сердцѣ и что въ свою связь она вносила всю свою искренность, всю серьезность своей страсти. Теперь она представляется старомоднымъ существомъ, съ ея способностью любить, въ буквальнѣйшемъ смыслѣ олова, до смерти. А жизненный путь гризетки нерѣдко кончался тѣмъ, что она выбрасывалась изъ окна—и виною этого бывалъ другъ, бросившій или оттолкнувшій ее.

«Привыкшая къ суровой трудовой жизни низшаго класса народа, она никогда ничего больше не желала, какъ работать всю недѣлю напролетъ, не переставая щебетать и пѣть, а въ воскресенье—хорошей погоды, чтобъ можно было погулять на солнышкѣ по бульварамъ и Елисейскимъ полямъ. Корыстные виды крайне рѣдко играли видную роль въ ея привязанности, и то положеніе, которое она пріобрѣтала черезъ своего друга вслѣдствіе связи съ нимъ, она прини-

мала съ величайшимъ восторгомъ, преданно и нѣжно.

«Она становилась неутомимымъ товарищемъ и слугою своего друга, съ величайшей заботливостью оберегала его матеріальныя обстоятельства и, если онъ заболѣвалъ, окружала самымъ нѣжнымъ и самоотверженнымъ уходомъ. Гризетка была истинной подругой своего друга, а превосходныя качества ея характера облагораживали и ея общественное положеніе—по крайней мѣрѣ, въ домашнемъ кругу—почти до степени вполнѣ нравственнаго союза.

«Съ измѣнившимся духомъ нынѣшней французской молодежи долженъ былъ сойти со сцены типъ парижской гризетки; для нея не оставалось мѣста среди поколѣнія, отличающагося душевной пустотой, разсудочностью и грубостью и ставящаго удовлетвореніе тщеславія выше всѣхъ другихъ наслажденій. Это новое поколѣніе, способное только насмѣхаться и глумиться надъ тѣми свойствами, которыми обладала гризетка, должно было кончить тѣмъ, чтобъ уничтожить этотъ типъ французской женщины и поставить на ея мѣсто другой, болѣе соотвѣтствующій современности типъ.

«Преемницей гризетки явилась лоретка, начавшая собою новую разновидность парижской куртизанки. Лоретка представляла собой гораздо болѣе изящный по внѣшности продуктъ моды, какъ бы вымѣшанный изъ всѣхъ бездушныхъ и холодно разсчетливыхъ свойствъ современной французской молодежи и вполнѣ отвѣчавшій всѣмъ пустымъ и тщеславнымъ запросамъ момента. Лоретка была лишена всѣхъ добрыхъ свойствъ гризетки, въ особенности сердца и способности искренно любить, взамѣнъ чего она

могла предъявить красивыя платья, шали, духи и мази.

«Лоретка восприняла лозунгъ дня тѣмъ легче, что ей было чуждо самое понятіе любви, и причесанная по модѣ голова ея усвоила на мѣсто ея только капризъ. Даже самое слово «любовь» замѣнилось въ кругу лоретокъ словомъ «капризъ»,—и если лоретка хотѣла сообщить о своей склонности къ кому-нибудь, она говорила: «J'ai un caprice pour lui».

«Гризеткѣ не чужды были извѣстные духовные интересы и часто она была знакома съ произведеніями лучшихъ французскихъ авторовъ. Лоретка съ головы до ногъ невѣжественна и равнодушна къ литературѣ, представляя собой и этимъ симптомъ новой промышленной эпохи.

«Книгу она рѣшается взять въ руки только въ такихъ случаяхъ, когда бываетъ нездорова или очень дурно настроена вслѣдствіе какого-нибудь обманутаго ожиданія, но дочитаетъ ее только, тогда, если это романъ Дюма-сына, изъ котораго она почерпнетъ гордую увѣренность, что она не даромъ живетъ, что она и есть истинная представительница своего вѣка; въ противномъ случаѣ книга вскорѣ соскользнетъ подъ кушетку.

«Даже по красотѣ лоретка значительно уступаетъ гризеткѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, потому что она обнаруживаетъ упадокъ женственности и въ формахъ. Ея наружность можетъ блистать и ослѣплять, чему она содѣйствуетъ всякими притираніями и другими ухищреніями новѣйшаго дамскаго туалета; но вялые члены и черты, только временно подтянутые искуснымъ туалетомъ, напоминаютъ о печальной будущ-

ности лоретки, ожидающей ее въ больницѣ или въ тюрьмѣ.

«Лоретка получила свое имя, безъ сомнѣнія, отъ церкви Notre dame de Lorette, возвышающейся въ самомъ центрѣ фешенебельнаго Парижа, въ концѣ улицы Лафитъ и являющейся, въ буквальномъ смыслѣ слова мѣстомъ свиданій для аристократическихъ прихожанъ...

«Первоначально танцовщицы и актрисы облюбовали Notre dame de Lorette для выраженія своихъ религіозныхъ чувствъ, а это начало, разумѣется, привлекать сюда и всѣхъ столичныхъ львовъ. Но красивыя и изящныя посѣтительницы собора вскорѣ отмѣтили особо эту категорію и заклеймили именемъ «лоретокъ» соціальную разновидность, скользящую на границѣ нравственности.

«Измѣнившееся соціальное положеніе куртизанокъ, наступившее съ исчезновеніемъ типа гризетки, сказалось и офиціально,—въ появленіи особаго учрежденія, въ которомъ проститутки открыли свою первую биржу въ новѣйшемъ коммерческомъ стилѣ. Это извѣстный Bal Mabille, возникновеніе котораго отмѣчаетъ этотъ переходъ и которому мы поэтому не можемъ отказать въ нѣкоторомъ значеніи.

«Елисейскія поля, этотъ главный фокусъ парижскихъ увеселеній для всѣхъ классовъ, своими дивными тѣнистыми аллеями больше всего способствовали возникновенію этихъ новыхъ блестящихъ спекуляціонныхъ пунктовъ проституціи. Неподалеку отъ прелестнаго сада Mabille вскорѣ начали соперничать съ нимъ волшебный Jardin d'hiver (зимній садъ) и сказочно-красивый Chateau des fleurs изъ-за чести служить элегантнѣйшей и удобнѣйшей въ дѣловомъ отношеніи биржей; вѣдь подъ страстные звуки бальной музыки

и при феерическомъ блескѣ газовыхъ огней, свѣтящихся изъ середины цвѣтовъ и кустовъ, тамъ совершались однѣ дѣловыя сдѣлки между мужчинами и дамами,—покупка и продажа, выдача и пріемъ краткосрочныхъ векселей.

«Этимъ садомъ и танцовальнымъ заломъ, стоящимъ теперь на вершинѣ моды, преимущественно обязана проституція своимъ современнымъ финансовымъ характеромъ; несмотря на всѣ свойства и цѣли ихъ посѣтителей, эти балы по-внѣшнему удовлетворяютъ требованіямъ невинной простоты, производя впечатлѣніе простого веселаго общенія людей между собой; и за исключеніемъ нѣкоторыхъ пріемовъ въ танцахъ, на такихъ балахъ не происходитъ положительно ничего непристойнаго.

«Вотъ почему на нихъ могутъ присутствовать зрители и зрительницы изъ самыхъ строгихъ порядочныхъ и добродѣтельныхъ круговъ, хотя, впрочемъ, лучшее парижское общество—по крайней мѣрѣ, дамы—все же обыкновенно предпочитаютъ предоставлять иностранцамъ присутствовать на этихъ зрѣлищахъ, въ качествѣ добродѣтельнаго и нравственнаго элемента».

(Подъ этими танцами авторъ несомнѣнно подразумѣваетъ пресловутый канканъ «съ его частію подражающимъ половому процессу, частію фантастически разнузданнымъ неистовствомъ движеній»).

Героини же, дѣйствующія лица на этой сценѣ, состоятъ исключительно изъ тѣхъ разряженныхъ, накрашенныхъ и прикрашенныхъ красавицъ, для которыхъ любовь и чувственность являются уже только коммерческимъ дѣломъ; онѣ слишкомъ разсудочны и разсчетливы, чтобы погрѣшить чѣмъ-нибудь явно противнымъ нравственности и

приличію въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ имъ нужно оперировать только акціями на кредитныя спекуляціи своихъ прелестей.

Среди этой бальной суеты кажется совершенно лишней мелькающая фигура полицейскаго сержанта, примыкающая то тамъ, то сямъ къ самымъ интереснымъ группамъ. Но его присутствіе оказывается все же нужнымъ для наблюденія за самымъ крупнымъ кредитнымъ предпріятіемъ — за канканомъ, который своей неумѣренностью каждую минуту грозитъ опасностью.

Едва онъ замѣтитъ въ этомъ предпріятіи примѣненіе недозволенныхъ средствъ для слишкомъ высокаго поднятія акцій, этотъ полицейскій чиновникъ знакомъ отзываетъ отъ канкана зарвавшихся спекулянтовъ, и имъ тотчасъ же приходится оставить биржу, причемъ они лишаются на этотъ вечеръ права завершить свои коммерческія сдѣлки.

Весь дѣловой процессъ долженъ развиваться здѣсь вообще очень быстро, потому что начинающіеся въ 9 часовъ танцы должны быть окончены къ 11 часамъ, продолженіе можетъ разыгрываться потомъ уже въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, или же въ собственныхъ спальняхъ участниковъ биржевого собранія.

Эти отдѣльные кабинеты играютъ вообще огромную роль въ исторіи проституціи и разврата не только Парижа, но и другихъ міровыхъ центровъ,—и сцены, разыгрывающіяся порой въ этихъ укромныхъ уголкахъ,—превосходятъ часто даже все, совершающееся въ мѣстахъ, спеціально посвященныхъ разврату.

Слѣдуетъ отмѣтить, что во время второй имперіи проституція,—по крайней мѣрѣ, «высшаго сорта», т. е. одѣвающаяся лучше,—начала ста-

раться походить туалетомъ на такъ называемое высшее общество. Быть можетъ, еще правильнѣе будетъ сказать, что обѣ стороны пошли въ этомъ отношенiи навстрѣчу другъ другу и, такимъ образомъ, сошлись.

Нѣсколькими ступенями пониже описаннаго соцiальнаго слоя, ютится другой своеобразный женскiй мiръ, собирающiйся въ «Closerie de Lilas», своей главной биржѣ. Въ этой сказочной и волшебной атмосферѣ дьявольскаго сладострастiя нѣтъ и въ поминѣ свѣтскихъ дамъ или дамъ полусвѣта—здѣсь веселится съ восторженными криками и визгомъ самый низменный кругъ. Что касается внѣшняго вида помѣщенiя, оно гораздо менѣе изящно, и когда газовое освѣщенiе, фантастически заливающее обширныя садовыя помѣщенiя, нѣсколько приспущено, то это даже гармонируетъ съ неуютнымъ характеромъ всего разыгрывающагося здѣсь.

Здѣсь можно встрѣтить сохранившiеся экземпляры низвергнутаго уже типа гризетокъ, большей частью опустившихся на самую низшую ступень, вперемежку съ профессiональными обитательницами домовъ, являющимися на балы въ «Closerie de Lilas» больше для собственнаго развлеченiя и увеселенiя въ часы досуга, чѣмъ для дѣла, и потому обдѣлывающими дѣла только по привычкѣ.

Обычнымъ завсегдатаемъ въ роли кавалера на этихъ балахъ является парижскiй студентъ; онъ-то и сообщаетъ имъ тотъ характеръ ребяческой распущенности, которымъ отличается преимущественно обыватель Латинскаго квартала. Канканъ Латинскаго квартала развивается также въ самыхъ крайнихъ формахъ, такъ что самыя страстныя и рискованныя движенiя сопровожда-

ются иногда громкими криками и стонами, заражающими все общество дикимъ, восторженнымъ изступленіемъ.

Невольно припоминается часто извѣстный культъ древнихъ египтянъ, у которыхъ пиршественный угаръ и опьяненіе страстью доходили до нанесенія самимъ себѣ ранъ и даже до самоубійства. На этихъ балахъ можно часто видѣть пары, наносящія другъ другу среди танцевъ удары и щипки, такъ какъ иного исхода себѣ не находитъ возбужденная до бѣшенства чувственность. Въ концѣ концовъ чудовищный ревъ и стонъ разрѣшается всеобщимъ хлопаніемъ въ ладоши, или же сержантъ пробирается смѣлымъ шагомъ въ самую середину канканирующей съ безумнымъ изступленіемъ группы и лаконическимъ приказомъ вызываетъ нѣсколькихъ главныхъ героевъ скандала, безпрекословно слѣдующихъ за нимъ въ садъ.

Надо сказать и то, что въ подобныхъ разнузданностяхъ не послѣднюю роль играетъ національная черта характера французовъ: они любятъ кокетничать своей страстностью—и часто, холодно и разсудочно одурманиваясь, притворно разыгрываютъ восторженное упоеніе и самозабвеніе.

Можно было еще безконечно умножить явленія такого и подобнаго рода—и все же тема не была бы исчерпана до дна. Имперія, пала, третья республика устранила нѣкоторыя изъ золъ, унаслѣдованныхъ ею отъ эпохи Наполеона III, но улучшенія нравственности не замѣчалось, быть можетъ, она еще даже ухудшилась, потому что начавшій проявляться менѣе страстно развратъ требовалъ и большей снисходительности къ себѣ.

Во время третьей республики, какъ и во

время имперіи, городскіе бульвары оставались рынкомъ проституціи, получавшимъ обширное распространеніе и въ другихъ мѣстахъ—въ кафэ, въ ресторанахъ, въ театрахъ, концертныхъ, спортивныхъ залахъ, а также на морскихъ купаньяхъ и другихъ курортахъ.

Тамъ и сямъ продолжало еще встрѣчаться царство гризетокъ (которыхъ, въ сущности, не вполнѣ можно причислить къ проституткамъ), но въ уже гораздо болѣе грубыхъ и низменныхъ формахъ. Лоретки, у которыхъ еще все-таки можно было найти болѣе достойныя побужденія, также начали сходить со сцены выродившись въ кокотокъ, служившихъ уже самой безстыдной проституціи.

Кокотка является уже обыкновенной профессіональной проституткой, но названіе это присваивается обыкновенно нѣсколько болѣе претенціознымъ представительницамъ этой профессіи.

Правда, Mabille и большинство другихъ подобныхъ увеселительныхъ заведеній исчезли во время третьей республики но на мѣсто ихъ явились «Tingel-Tangel» и подобныя увеселительныя мѣста, вродѣ «Folies-Bergère», «Casino de Paris», «Olympia» и пр., въ которыхъ проституція показывается и проявляется преимущественно на сценѣ, и зрительный залъ служитъ почти исключительно рынкомъ живой плоти.

На высотахъ Монмартра, бывшаго нѣкогда профессіональнымъ убѣжищемъ, возникло безчисленное множество увеселительныхъ заведеній, какъ будто служащихъ искусству, но являющихся, въ сущности, только сборнымъ пунктомъ проституціи.

Въ прежніе годы на Монмартрѣ было множество танцовальныхъ залъ, вродѣ «Boule-Noir»,

«Reine-Blanche», «Elysée Montmartre» и т. п., въ которыхъ веселились обыкновенно проститутки съ загородныхъ бульваровъ и заставляли своихъ кавалеровъ угощать себя согрѣтымъ краснымъ виномъ. Не одна «звѣзда» демимонда начинала именно здѣсь свою карьеру.

Теперь большая часть исчезла и ихъ даже по имени не помнятъ. Даже знаменитая «Moulin de la Galetle» модернизировалась и преобразовалась въ заведеніе, конкуррирующее съ новымъ предпріятіемъ «Moulin Rouge». Типичнымъ новѣйшимъ заведеніемъ этого рода является «Chat Noir», успѣхъ котораго вызвалъ возникновеніе множества подобныхъ злачныхъ мѣстъ.

Полиція обнаруживаетъ часто довольно большую строгость въ отношеніи проституціи, но только низшаго разбора, въ отношеніи же высшей она часто просто бѣзсильна. Но даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы проявить власть, она держится большей частью въ сторонѣ, по разнымъ соображеніямъ. Между органами полиціи и проституціи существуетъ извѣстный союзъ, въ силу котораго они оказываютъ другъ другу не только любезности, но и прямыя услуги.

Бывшій начальникъ парижской полиціи, Горонъ, приводитъ въ своихъ мемуарахъ («Парижская любовь»,—ч. II «Профессіональной любви») очень интересныя данныя по этому поводу; заимствуемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

«Между этими лицами неизбѣжно устанавливается извѣстная интимность отношеній, покоющаяся на взаимности услугъ. И для подчиненнаго полицейскаго агента было бы дѣйствительно нечеловѣческимъ подвигомъ, если бы онъ хо-

тѣлъ отклонять тѣ маленькіе знаки вниманія, которые поддерживаютъ дружбу.

«Въ сущности, это абсолютная нелѣпость. Нужно быть закоренѣлымъ бюрократомъ, чтобы вообразить себѣ, что собираемыя въ развратныхъ домахъ свѣдѣнія могутъ представлять какую бы то ни было цѣнность въ смыслѣ охраны общества. Вѣрно только одно, въ чемъ обыкновенно не хотятъ сознаться: что тайная скандалезная хроника часто служитъ интересамъ крупныхъ чиновниковъ, которые съ ихъ помощью упрочиваютъ, къ изумленію публики, свой постъ. Распространеннѣйшимъ и самымъ безнаказаннымъ сравнительно преступленіемъ въ Парижѣ является вымогательство.

«Когда я началъ знакомиться по обязанностямъ службы со всѣми парижскими домами разврата, мнѣ пришлось убѣдиться, что полиція оказываетъ свое покровительство большинству пріютовъ любви. Ея благоволеніемъ могутъ похвастать не только менѣе доступные, офиціально признанные дома, но и тайные укромные уголки. Она относится терпимо къ домамъ свиданій и даже предупреждаетъ содержательницъ о своихъ предстоящихъ посѣщеніяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пріемъ какой-нибудь несовершеннолѣтней дѣвочки можетъ повлечь за собой непріятности кой-какія,—но зато совершенно неумолима къ брачнымъ бюро».

Тутъ надо пояснить, что подъ «домами свиданій» разумѣются такіе дома, въ которые являются дамы полусвѣта и нерѣдко даже свѣтскія дамы для развратныхъ сношеній съ «кліентами» этихъ домовъ.

«Впрочемъ, не всѣмъ домамъ разврата гарантируется безнаказанное существованіе. Су-

ществуетъ нѣсколько отлично поставленныхъ домовъ, обладающихъ избранной отечественной и иностранной кліентурой, къ которымъ правительство относится съ большой благосклонностью,—подъ тѣмъ условіемъ, что тѣ неукоснительно должны доставлять желаемыя свѣдѣнія.

Неопытные люди, добродѣтельные чиновники и судьи, притворно ведущіе безукоризненно нравственную по внѣшнему жизнь, считаютъ себя въ полной безопасности, такъ какъ посѣщаютъ развратные дома подъ вымышленными именами. Но если содержательница дома, которая по своей профессіи должна знать весь Парижъ, и не узнаетъ ихъ случайно при первомъ посѣщеніи,—то она сообщаетъ полиціи вымышленное имя съ подробнымъ описаніемъ наружности, котораго оказывается достаточнымъ чтобы узнать посѣтителя при его появленіи въ домѣ во второй и въ третій разъ».

Точно такъ-же, какъ къ большимъ ночнымъ ресторанамъ бульваровъ относятся снисходительно, а второразряднымъ гостинницамъ очень строго,—такую же неумолимую строгость проявляютъ и въ отношеніи маленькихъ тайныхъ домовъ порока, въ стѣнахъ которыхъ не бываютъ ни принцы, ни банкиры. Впрочемъ, эти маленькіе дома, благодаря огромному числу ихъ, представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, крайнюю опасность для общественной нравственности. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ вербуютъ свой персоналъ съ помощью конторъ для найма прислуги, и въ нихъ можно встрѣтить даже дѣвушекъ, состоящихъ въ то же время въ услуженіи.

На улицѣ Шоссе д'Антэнъ существовалъ домъ, въ которомъ посѣтители принимались только въ промежуточные часы между завтра-

комъ и обѣдомъ и куда являлись кухарки для нѣкотораго «подсобнаго заработка» въ свободные отъ службы часы. Въ доносахъ на подобные дома обыкновенно, впрочемъ, нѣтъ недостатка, и если не оказывается ничьего покровительственнаго вліянія, то въ домѣ производится облава, въ родѣ тѣхъ, которыя часто производятся на улицахъ.

Начальникъ полиціи вынужденъ сознаться, что въ одной книгѣ, вызвавшей большой шумъ, «утверждается не безъ основанія», что даже представители парламента не гнушались выступать на защиту подобныхъ домовъ.

«Что полиціи становится извѣстнымъ все,— это буквально вѣрно. Отъ нея не ускользаютъ даже тѣ маленькіе дома, которые не обращаютъ на себя особеннаго вниманія и къ которымъ не приставленъ для наблюденія спеціальный агентъ,— потому что содержательницы никогда не преминутъ явиться съ визитомъ въ полицейскую префектуру, если могутъ доставить какое-нибудь интересное свѣдѣніе».

Въ полицейскихъ отчетахъ поименно перечислены всѣ мужчины и женщины, посѣщающіе сомнительные дома. Въ этихъ отчетахъ нерѣдко можно встрѣтить имена женщинъ, мужья которыхъ украшаютъ собою видныя общественныя мѣста. Онѣ предлагаются время отъ времени завсегдатаямъ нѣкоторыхъ домовъ высшаго разбора, какъ особый лакомый кусокъ. Такія дамы попадаютъ часто въ затруднительное положеніе, когда модистка или модный портной отказываютъ имъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ,—и вотъ онѣ посѣщаютъ такіе дома, чтобы добыть денегъ. Списокъ такихъ дамъ бываетъ порой прискорбно великъ.

Бываютъ и такіе случаи, что особо-почетнымъ гостямъ сообщается имя и общественное положеніе посѣтительницъ, что приводило иногда къ страшнымъ злоупотребленіямъ.

«Наибольшій доходъ доставляютъ этимъ домамъ богатые иностранцы, пріѣзжающіе въ Парижъ, чтобы повеселиться и не желающіе терять время на поиски красивой компаніонки по увеселеніямъ. Они спѣшатъ раздобыть въ гостиницѣ адресъ какого-нибудь элегантнаго заведенія и вступаютъ въ переговоры съ его содержательницей, уславливаясь обо всемъ такъ серьезно, какъ будто намѣреваются заключить у нотаріуса договоръ; затѣмъ отправляются въ смежную гостиную, гдѣ имъ представляютъ находящихся на лицо дамъ. Проѣзжій султанъ бросаетъ свой носовой платокъ той изъ нихъ, которая понравилась ему больше другихъ—и дѣло сдѣлано.

«Къ этой системѣ прибѣгаютъ часто и находящіеся въ отпуску чиновники и офицеры, такъ какъ способъ столько же простъ, сколько и практиченъ,—и иногда изъ такихъ случайныхъ встрѣчъ возникаютъ прочныя связи приводящія иногда даже къ браку.

«Нѣкоторые изъ этихъ домовъ содержатся бывшими дамами полусвѣта и поставлены на широкую ногу. Тамъ задаются великолѣпные обѣды, ужины и балы, которые часто посѣщаются иностранцами,—въ особенности, американцами — желающими познакомиться съ парижскимъ высшимъ свѣтомъ.

«Тамъ встрѣчаются, впрочемъ, не только дамы полусвѣта. У меня былъ одинъ знакомый американецъ, который близко познакомился въ такомъ домѣ съ одной дамой—а черезъ нѣ-

сколько дней былъ ей офиціально представленъ своимъ посланникомъ на званномъ вечерѣ у одного министра. Она оказалась женой одного очень крупнаго сановника, а онъ ее принялъ раньше просто за даму полусвѣта.

«Въ противоположность этимъ домамъ, живущимъ роскошью и показными сторонами жизни высшаго свѣта, предлагаемыми къ услугамъ посѣтителей,—существуютъ еще маленькія дома, въ которыхъ культивируется самый низкопробный порокъ для привлеченія болѣзненныхъ и сладострастныхъ мужчинъ. Въ такихъ парижскихъ домахъ могутъ найти удовлетвореніе самая крайняя разнузданность, самыя диковинныя желанія, какія только могутъ придти въ эти свихнувшіяся головы.

«Я не могу здѣсь, разумѣется, входить въ подробности. Я ограничусь тѣмъ, что разскажу одну исторійку, которую могъ бы озаглавить «Наказанное любопытство».

«Одна приличная дама очень долго питала желаніе посѣтить одинъ изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ артистами любви разыгрываются передъ зрителями (технически они называются «les voyeurs») такія сцены, которыя театральной цензурѣ не подлежатъ. Однажды вечеромъ она условилась съ двумя своими друзьями, людьми очень скромными и воспитанными, отправиться вмѣстѣ въ подобный домъ.

«Домъ оказался очень мило обставленнымъ. Сцена состояла изъ ярко освѣщенной комнаты, по которой двигались артисты безъ костюмовъ. Зрительный залъ былъ отдѣленъ отъ сцены большимъ зеркальнымъ стекломъ и оставался въ полной темнотѣ, такъ что исполнители были видны, но сами зрителей видѣть не могли.

«Прошло нѣсколько времени, пока дама смотрѣла на представленіе, какъ вдругъ замѣтила, что ея друзья исчезли. Имъ сдѣлалось жарко въ театрѣ и они пошли освѣжиться. Вдругъ въ зрительный залъ явился «первый любовникъ», очень хорошо сыгравшій только-что свою роль и, замѣтивъ красивую молодую женщину одну, подошелъ къ ней съ восклицаніемъ: «Вы пришли посмотрѣть? Отлично, теперь извольте и сами поиграть».

«Его поведеніе не оставляло сомнѣній на счетъ смысла его намѣреній, и дамѣ оставалось начать пронзительно кричать, призывая на помощь—пока прибѣжали ея друзья и поколотили предпріимчиваго артиста».

Въ связи съ проституціей существуютъ еще разнаго рода промыслы и профессіи, среди которыхъ надо назвать, прежде всего, извѣстныхъ «maîtres-chanteurs». Этимъ именемъ называются шантажисты обоего пола, пользующіеся обыкновенно своимъ знаніемъ грѣховъ и заблужденій для безстыдныхъ вымогательствъ, которымъ жертвы ихъ очень часто безпрекословно покоряются, чтобы избѣгнуть еще болѣе устрашающей ихъ огласки или наказанія.

Эти шантажисты и шантажистки обыкновенно не только пользуются представляющимися случаями, но и сами создаютъ ихъ, соблазняя намѣченную имъ жертву или способствуя соблазненію. Чаще всего вымогатели обращаютъ на пользу себѣ грѣхи педерастіи и совращенія несовершеннолѣтнихъ, но и нарушенія супружеской вѣрности и подобные грѣхи даютъ имъ часто доходъ. Упомянутые нами уже сутенеры занимаются большей частью шантажемъ.

Другая разновидность носитъ названіе «Demi-

castor'овъ». «Этимъ страннымъ именемъ—говоритъ Горонъ—называютъ такую женщину, которая принадлежитъ по рожденію къ порядочному обществу и по наружности какъ будто еще продолжаетъ принадлежать къ нему, хотя занимается торговлей любовью. Число такого рода промышляющихъ любовью женщинъ въ Парижѣ такъ велико, что можно даже подумать, будто онѣ стекаются сюда изъ всѣхъ странъ.

«Всѣ такія женщины держатъ салонъ, въ который умѣютъ заманивать самыхъ видныхъ представителей лучшихъ профессій. Цѣль такихъ салоновъ—организація изящной и сантиментальной проституціи побѣждающей сопротивленіе мужчинъ. Въ романѣ Александра Дюма-сына «Demi monde» выведенъ образцовый типъ такой demi-castor».

Demi-castor'ы служатъ въ качествѣ шпіонокъ военному министерству и другимъ властямъ. Съ другой стороны, и представители другихъ державъ прибѣгаютъ иногда (путь этотъ, впрочемъ, давно извѣстный, не новый) къ этимъ средствамъ чтобы узнать что надо, или достигнуть желаемаго. Въ этихъ салонахъ идетъ обыкновенно и крупная игра, очень доходная для хозяйки.

Послушаемъ, однако, показанія Горона о проституціи низшаго сорта.

«Въ прежнее время ночная жизнь въ Парижѣ была гораздо болѣе развита, чѣмъ теперь. Прежде красивыя женщины дѣлали блестящія дѣла у Валентино, у Фрескати и въ «Gasino Cadet». Въ настоящее же время эти гуляки, которые не могутъ возвращаться домой раньше разсвѣта, встрѣчаются больше въ нѣкоторыхъ ресторанахъ Монмартра. Ночные рестораны на бульварахъ

мало-по-малу исчезли всѣ. Женщины, которыхъ можно встрѣтить здѣсь, влачатъ жалкое существованіе, почти такое же печальное, какъ жизнь несчастныхъ созданій, населяющихъ публичные дома.

«По вечерамъ, когда зажигаются фонари на улицахъ, эти женщины выходятъ съ Монмартра и направляются преимущественно въ кофейни на Place Blanche или Place Pigalle, чтобы подкрѣпиться рюмкой ликера или даже просто абсента—и подождать своего любовника; но онъ не всегда бываетъ настоящимъ сутенеромъ. Иногда этотъ субъектъ зарабатываетъ при скачкахъ или игрѣ, иногда служитъ кельнеромъ въ кафэ, а иногда бываетъ однимъ изъ тѣхъ рисовальщиковъ, которые ходятъ по кафэ и за 5 франковъ быстро набрасываютъ портретъ, часто довольно хорошій.

«При случаѣ эти господа, не церемонясь, отымаютъ у своихъ возлюбленныхъ двадцати франковую монету, которая понадобилась вдругъ до зарѣза. Затѣмъ они отправляются вмѣстѣ ужинать въ какой-нибудь маленькій ресторанъ, если возлюбленный располагаетъ временемъ для этого,—въ противномъ случаѣ «женушка» ужинаетъ одна за какимъ-нибудь табль д'отомъ въ Монмартрѣ.

«Эти табль д'оты, которые такъ мастерски описалъ Зола въ знаменитомъ романѣ «Нана» и которые назывались прежде «Лесбосскими консерваторіями», представляютъ оригинальное и любопытное поле для наблюденій. Тамъ можно было встрѣтить и такихъ дѣвушекъ, которыя вовсе не предаются противоестественной любви къ подругамъ, а являлись туда только изъ любопытства...

«Когда полиціи случается произвести облаву въ этомъ диковинномъ заведеніи, то находитъ тамъ, къ своему изумленію, и порядочныхъ женщинъ приличнаго круга, пришедшихъ туда первоначально просто, чтобы позабавиться, а потомъ втянувшихся подъ вліяніемъ порочности окружающихъ до паденія въ страшную пропасть».

Очень много можно было бы сказать о контрагентахъ проституціи,—одинъ перечень рода подобныхъ занятій потребовалъ бы не мало мѣста. Упомянемъ только о такъ называемыхъ «фабрикантшахъ ангеловъ», не только умертвляющихъ дѣтей, отдаваемыхъ имъ на воспитаніе, но занимающихся и плодоизгнаніемъ у беременныхъ—гнусный промыселъ, практикуемый и нѣкоторыми врачами. Нѣкоторые практикуютъ еще также кастрированіе женщинъ, какъ изобразилъ Зола въ своемъ романѣ «Плодовитость».

Разврату служатъ не только «дома съ большими номерами» (парижскіе публичные дома означаются крупными цифрами домовыхъ номеровъ) и другія названныя уже нами мѣста,—но даже извозчики употребляются для этой цѣли, о чемъ свидѣтельствуютъ такія, напр., картинки въ журналахъ: популярный каррикатуристъ прошлаго вѣка изобразилъ парочку, садящуюся въ фіакръ со словами: «извозчикъ,—шагомъ и на часы!».

Въ фіакрахъ оказываются иногда забытыя интимнѣйшія принадлежности туалета. Горонъ разсказываетъ, что въ полицію явился однажды одинъ бывшій министръ за полученіемъ забытыхъ въ фіакрѣ и доставленныхъ извозчикомъ въ полицію панталонъ одной танцовщицы.

Такое положеніе вещей существовало, какъ мы уже отмѣчали, еще во время второй имперіи

и съ теченіемъ времени распространилось, къ сожалѣнію, на всѣ европейскіе большіе города.

Было бы очень несправедливо и ошибочно сдѣлать изъ всего вышеизложеннаго выводы объ особенной безнравственности француженокъ и преимущественно парижанокъ. За уродства жизни мірового города, за явленія культурной гнилости нельзя же дѣлать отвѣтственнымъ все населеніе и вмѣнять грѣхи извѣстнаго числа женщинъ въ вину всѣмъ женщинамъ города или страны.

Парижская женщина средняго класса, несмотря на безчисленные дурные примѣры, находящіеся предъ ея глазами—не хуже большинства женщинъ другихъ большихъ городовъ; очень часто она является преданной и усердной помощницей своего мужа, часто даже на ней лежитъ главный трудъ по добыванію средствъ къ жизни.

Извѣстный афоризмъ Гизо: «Франція шагаетъ во главѣ цивилизаціи»—является, быть можетъ, спорнымъ; но что безспорно, такъ это то, что ея столица шагаетъ во главѣ проституціи; причина этого лежитъ отчасти и въ томъ, что Парижъ обладалъ искони притягательной силой для путешественниковъ и что онъ былъ всегда средоточіемъ моды, этой сводной сестры проституціи.

ГЛАВА VI.

Литература и проституція. — Женскій вопросъ. — Романъ.—Жоржъ Зандъ. — Бальзакъ и другіе авторы. — Дюма. —Театръ. —Пьесы съ героинями-куртиванками. — Женщины.—Общество. —Зола.—Мопассанъ. — Марсель Прево, Пьеръ Луи, г-жа Жипъ, Жанна Марни.—Ежедневная пресса. — Рисунки карандашомъ и кистью. — Оффенбахъ. — Актрисы. – Состояніе проституціи въ Бельгіи.

Литература является отраженіемъ общественной жизни своей эпохи, правдивымъ зеркаломъ нравовъ, обычаевъ,—всей совокупности общественныхъ думъ и интересовъ или только нѣкоторой части ихъ; надо замѣтить, что сильнѣе всего она окрашивается тѣми воззрѣніями, какими живетъ господствующій въ каждую данную эпоху общественный классъ.

Путь, которымъ идетъ душевная жизнь самаго народа, выясняется не сразу, процессъ его развитія совершается слишкомъ медленно и постепенно, чтобъ литература могла быстро схватить его сущность и дать ему надлежащее сильное выраженіе.

Въ произведеніяхъ фривольныхъ и скабрезныхъ французская литература,—какъ, впрочемъ, и всякая другая,—не терпѣла недостатка. Французская, впрочемъ, изобиловала ими больше, чѣмъ всякая другая, и служила въ этомъ отно-

шенiи другимъ образцомъ. Эпоха Людовика XIV породила такiя характерныя для ея нравовъ произведенiя, какъ Кребилльона младшаго; позднѣе явились такiе образцы литературы, какъ сочиненiя маркиза-де-Садъ, мемуары Фоблазъ и мн. др.

Но явную тѣсную связь литературы и проституцiи, ставшей явленiемъ общимъ, мы можемъ наблюдать только въ XIX столѣтiи, причемъ самыми характерными произведенiями являются не безстыдныя бездарныя писанiя, разсчитанныя единственно на щекотанiе чувственности, а болѣе серьезныя сочиненiя, разсматривающiя проституцiю и все, сопряженное съ нею, какъ выдающееся, крупное—можно сказать даже, крупнѣйшее—культурное явленiе.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ,—хотя при ближайшемъ разсмотрѣнiи мы должны найти это естественнымъ,—что половой вопросъ былъ впервые сдѣланъ предметомъ новѣйшей литературы именно женщиной, хотя и до того беллетристика всѣхъ временъ и народовъ занималась преимущественно половой любовью. Произошло это тогда, когда общество впервые начало интересоваться и волноваться тѣмъ самымъ «женскимъ вопросомъ», который въ послѣднее время началъ заявлять о себѣ все громче и громче.

Жоржъ Зандъ можно считать первой романисткой, сдѣлавшей центромъ своихъ произведенiй половой вопросъ и имѣвшей большое влiянiе на современное ей общество своими романами, въ которыхъ обсуждала положенiе женщины въ бракѣ и отношенiя супруговъ.

Вслѣдъ за нею выступилъ Бальзакъ со своимъ романомъ «Физiологiя брака» и другими подобными, а за нимъ Евгенiй Сю со своими «Парижскими тайнами», «Мартиномъ найденышемъ» и

пр.,—Анри Мюрже съ описаніями жизни нравовъ въ средѣ богемы и гризетокъ,—Арсенъ Гуссэ и другіе представители реалистическаго направленія въ поэзіи.

Съ Густавомъ Флоберомъ и его романомъ «Госпожа Бовари» литература вступила на новый путь, путь новаго реализма, изъ котораго развился затѣмъ натурализмъ и другіе «измы», громко и властно заявляющіе въ настоящее время о своемъ существованіи.

Наряду съ этой настоящей литературой шла и развивалась и другая литературная пища, которую порождали Поль-де-Кокъ и ему подобные и пользовались большимъ успѣхомъ.

«Любовь, какъ страсть, безъ другого своего элемента—уваженія (говоритъ Шмидтъ Вейссенфельсъ), жемчужины любви въ сорной кучѣ низкой продажности—вотъ тема, прозвучавшая всюду, какъ въ жизни современнаго французскаго общества, такъ и въ рожденной отъ нея поэзіи. Поль-де-коковская гризетка давно начала казаться слишкомъ сантиментальной; ея жизнь и любовь оказались слишкомъ просты на вкусъ новой эпохи и на взглядъ современнаго искусства беллетристическаго творчества. Ея мѣсто заняла элегантная лоретка, эта истинная героиня времени, человѣкъ грубаго матеріализма, нервозной чувственности, лишенный всякой идейности. Вѣдь и безобразное романтично, какъ учитъ Викторъ Гюго».

Творцомъ литературы полусвѣта явился Александръ Дюма-сынъ, первый придумавшій и пустившій въ обращеніе слово «демимондъ»—«полусвѣтъ». Его романы «Діана де Ли» и «Дама съ камеліями» имѣли огромный успѣхъ. Съ большимъ мастерствомъ тонкаго анализа и

изящнаго изложенія нарисовалъ онъ картину жизни и нравовъ того богатаго и блестящаго по-внѣшнему, но внутренно убогаго міра, границы котораго уже почти безслѣдно стерлись теперь, слившись съ міромъ дѣйствительно порядочнаго высшаго круга. Этотъ міръ возникъ вмѣстѣ съ имперіей въ Парижѣ; лоретка и содержанка царили въ немъ.

Почему бы,—подумалъ Дюма—этимъ страстямъ, заблужденіямъ и слабостямъ, служеніе которымъ толкаетъ этихъ женщинъ на путь порока,—почему бы имъ не имѣть свою поэзію? Наличность общественнаго явленія несомнѣнна: эти женщины являются частью всего парижскаго общества съ его жаждой роскоши; продажная любовь доставляетъ имъ средства вести блестящую, полную удовольствій жизнь. Итакъ, писатель рисовалъ несомнѣнную дѣйствительность--- и къ тому же онъ далъ себѣ трудъ вникнуть также во внутреннюю сущность ея, изучить и описать направлявшія ее чувства и склонности.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ новымъ родомъ литературы, было необычайно велико; общество было тронуто представленной ему Дюма картиной внутреннихъ переживаній, полныхъ борьбы, и внѣшней судьбы этихъ женщинъ. Поэзія порока была увѣнчана, общество не могло противопоставить ей поэзіи добродѣтели... самой добродѣтели не могло противопоставить.

Въ это же время повѣствовательная литература удѣлила большую часть своего вліянія литературѣ драматической, — и руководительство послѣдней также долго оставалось въ рукахъ Дюма-сына, направившаго ее по тому же пути, какимъ шла уже беллетристика.

«Французскій театръ, — говоритъ Теодоръ

Мундтъ въ 1856 году—осуществляетъ приписываемое ему принцемъ Гамлетомъ значеніе—служить зеркаломъ своему времени—съ почти преувеличенной матеріальной точностью и явственностью очертаній. Истинному духу французской комедіи, съ его несравненной сценической граціей и неистощимой изобрѣтательностью, почти не остается мѣста въ новѣйшихъ произведеніяхъ, порожденныхъ сумерками общественной морали».

Предметомъ обсужденія въ этихъ новыхъ пьесахъ является испорченность общества, разрывъ со всѣми этическими отношеніями въ жизни,—какъ будто бы авторъ, членъ того же организма, зараженный всѣми его недугами, можетъ считаться свободнымъ отъ всякой отвѣтственности и вины.

Это обстоятельство и обусловливаетъ собою и въ то же время окрашиваетъ тотъ талантъ, который безспорно вносятъ поэты вродѣ Дюма-сына въ свои драмы; чрезвычайно характерно, поэтому, что самъ Александръ Дюма-сынъ, безпощадно обнажившій въ своихъ пьесахъ съ героинями-куртизанками гнилость современнаго общественнаго организма Франціи и вскрывшій его анатомическимъ ножомъ—самъ слылъ въ то же время божкомъ лоретокъ»—Dieu des lorettes и пользовался поклоненіемъ въ этомъ кругу.

Со времени появленія комедіи Дюма «Le demi-monde», въ которой онъ то слегка фривольно, то меланхолически философски раскрылъ всѣ стороны жизни полусвѣта,—этотъ родъ пьесъ сдѣлался почти типичнымъ для новѣйшей французской сцены,—и если пьеса и не представляла сплошь картины нравовъ и быта полусвѣта, то все же, какъ неизбѣжный сим-

волъ духа времени, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ фигурировали отдѣльные представители этого міра.

Въ настоящее время никому и въ голову не придетъ прилагать къ искусству исключительно моральную мѣрку и всякое осужденіе того или иного художественнаго произведенія только съ этой точки зрѣнія не встрѣтило бы ни въ комъ сочувствія. Но явленія такого рода представляютъ не только оскорбленіе общественной нравственности, а еще въ то же время и покушеніе на тотъ соціальный порядокъ и благопристойность, пренебрегать которымъ нельзя уже ради чистоты и благопристойности дома и семьи и который надо охранять не только въ области искусства, но и при всякаго рода общественныхъ реформахъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ литература и театръ у французовъ до такой степени пропитались и продолжаютъ все больше и больше пропитываться ядовитымъ дыханіемъ проституціи, что въ самомъ непродолжительномъ времени рѣшительная борьба съ этимъ окажется вопросомъ серьезной соціальной важности,—тѣмъ болѣе, что и литература и сцена другихъ странъ все усерднѣе заражаются и заимствуются отъ нея.

Прежде чѣмъ это скандальное теченіе овладѣло во Франціи сценой, оно готовилось и развивалось въ литературѣ,—въ особенности, въ фельетонѣ. Проституція, сталкивающаяся и скрещивающаяся съ болѣе здоровыми и благородными элементами общества—вотъ что стало господствующей темой французскаго романа и, безконечно варьируясь въ фабулѣ, остается до того неизмѣнной, что въ романѣ уже почти нельзя встрѣтить другихъ героевъ, кромѣ безхарактер-

ныхъ развратниковъ, сомнительной нравственности женщинъ и прямо продажныхъ проститутокъ.

Проституція стала модой и, какъ таковая, облеченная всей блестящей властью моды, противъ которой безсильны всякія аппеляціи къ разуму, къ нравственности и приличію, она начинаетъ подчинять себѣ всѣ классы и связывать ихъ между собой этимъ единствомъ. И направленіе это нельзя даже назвать только фривольнымъ, потому что, рисуя то, что она рисуетъ, она не выдвигаетъ это, какъ противуположность существующему порядку и нравамъ общества, а какъ нѣчто, вошедшее въ привычки каждаго индивидуума и встрѣчающее его оправданія.

Если вникнуть хорошенько въ тотъ поразительный фактъ, что въ нынѣшнихъ французскихъ романахъ и комедіяхъ почти нельзя уже встрѣтить порядочной и добродѣтельной женщины и элементъ женственности представленъ въ поэзіи почти однѣми сомнительными и проституирующими женщинами,—то въ этомъ придется усмотрѣть нѣчто больше, чѣмъ просто произвольную склонность самихъ поэтовъ къ такому выбору, или такую одичалость ихъ міровоззрѣнія, которая отчуждаетъ ихъ отъ всего, что имѣетъ идеальнаго женщина. Тутъ долженъ таиться болѣе глубокій и серьезный соціальный симптомъ, указывающій, повидимому, на то, что положеніе женщины въ современномъ обществѣ должно измѣниться, вступить въ новую стадію.

Страсть къ нарядамъ и туалетное искусство, такъ сильно развившіяся въ послѣднее время, превратили женщину въ простую рамку для модной картинки и картины нравовъ. И здѣсь также невольно напрашивается сближеніе обоихъ крайнихъ полюсовъ общественности—добродѣтели и

порока: по внѣшнему виду стало совершенно невозможнымъ отличить слоняющуюся по улицѣ раскрашенную, отравленную всякими снадобьями и увѣшанную издѣліями промышленности всѣхъ странъ и народовъ женщину отъ куртизанки, вышедшей на поиски приключеній и добычи.

А если страсть къ нарядамъ и ухищренія туалетнаго искусства все больше и больше превращаютъ тѣло женщины въ продуктъ промышленности,—то не могло ли это теченіе, эта отвѣчающая духу эпохи индустріализація женственности оказать свое вліяніе и на духовную сущность женщины,—на ея умъ, душу, нравственность?..

Въ романахъ Жоржъ Зандъ это вѣяніе—куртизанство—выступаетъ въ своеобразной философской окраскѣ; съ видомъ соціалистическаго мученичества она предается метафизическимъ размышленіямъ о сравнительномъ положеніи половъ и объ обездоленности женщины. Уже въ этихъ романахъ властно выдвигаются притязанія, предъявляемыя куртизанствомъ къ обществу, но нужны еще были вліянія позднѣйшей, чисто индустріальной эпохи, чтобы куртизанка могла получить величайшее соціальное удовлетвореніе, котораго она до тѣхъ поръ была лишена: чтобы женщина добродѣтельная и порядочная очутилась на одной ступени съ проституткой.

А это случилось. Это невѣроятно выгодное удовлетвореніе куртизанкѣ началось уже тогда, когда въ порядочныхъ и нравственныхъ кругахъ браки начали заключаться только по финансовымъ соображеніямъ, благодаря чему женщина оказывается въ томъ же положеніи продающейся тѣлесно и духовно.

Но это общество полусвѣта, отмѣченное

роковою печатью разложенія, не было бы все-таки встрѣчено французской комедіей такимъ шумнымъ успѣхомъ и такимъ ошеломляющимъ, способнымъ внушить опасенія, интересомъ публики,—если бы этимъ самымъ не намѣчался элементъ, проникшій уже въ самую середину соціальной жизни и угрожающій обрушить до основанія весь старый нравственный общественный договоръ.

Таково было положеніе вещей въ первое десятилѣтіе второй имперіи. Послѣдующіе годы принесли не улучшеніе, а ухудшеніе, и это было тѣмъ грознѣе, что Франція, стоявшая на высотѣ могущества, продолжала оказывать еще большее вліяніе на нравы, моду, искусство и литературу всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Рушилась подъ Седаномъ насквозь прогнившая имперія Наполеона III, за ней послѣдовала третья республика, внесшая, правда, значительныя политическія улучшенія, но безсильная устранить нравственное разложеніе общества, несмотря на серьезныя и энергичныя попытки тогдашнихъ представителей власти.

Литература еще рѣшительнѣе начала выступать въ роли глубокаго изслѣдователя и безстрашнаго провозвѣстника правды. Нарождалась школа за школой, натурализмъ вытѣснилъ неореализмъ и самъ въ свою очередь вступилъ въ борьбу съ другими «измами», сводившимися большей частію только къ новымъ наименованіямъ, но сохранявшими свой центръ вниманія все на той же проституціи, а иногда вырождавшимися даже въ отвратительную апологію ея.

Самымъ крупнымъ и значительнымъ именемъ, выдвинутымъ французской литературой за послѣднюю четверть XIX столѣтія, было имя

Эмиля Зола, рисовавшаго развратъ во всѣхъ существующихъ формахъ и часто крайне непріятнымъ образомъ, хотя и руководимый всегда наилучшими намѣреніями. Но какъ бы ни относиться къ творчеству этого родоначальника и мастера натурализма,—тѣхъ рѣзкихъ нападковъ, какими обрушивается, на него Максъ Нордау въ своей извѣстной книгѣ «Вырожденіе», онъ ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ.

Не соглашаясь не только со взглядомъ Нордау на Зола, но и съ его основной точкой зрѣнія, мы считаемъ умѣстнымъ все-же привести любопытное мѣсто изъ названной книги, касающееся Зола.

«Сбивчивость его мышленія, сказывающаяся и въ его теоретическихъ сочиненіяхъ, и въ изобрѣтеніи слова «натурализмъ», и въ его понятіи объ «экспериментальномъ романѣ»; его инстинктивное пристрастіе къ изображенію безумныхъ, преступниковъ, проститутокъ и полуидіотовъ; его антропоморфизмъ и символизмъ, его пессимизмъ, его пристрастіе къ условному жаргону—все характеризуетъ Зола, какъ высшаго дегенерата.

«Но онъ представляетъ, кромѣ того, еще нѣсколько особенно характерныхъ признаковъ, вполнѣ подтверждающихъ діагнозъ.

«Что онъ страдаетъ половой психопатіей,—объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница его романовъ. Онъ вѣчно витаетъ въ сферѣ представленій самаго низменнаго порядка чувственности и вплетаетъ ихъ на каждомъ шагу въ свои романы, не умѣя обосновать художественной необходимости ихъ введенія. Въ воображеніи его вѣчно носятся картины противоестественнаго разврата, содоміи, пассивизма и другихъ

извращенностей—и онъ не довольствуется изображеніемъ соотвѣтствующихъ поступковъ людей, а рисуетъ даже сцены спаривающихся животныхъ (см. I главу ром. «Земля»).

«Особенное возбужденіе вызываетъ въ немъ видъ женскаго бѣлья, о которомъ онъ не можетъ говорить спокойно, и эмоціональная окраска его описаній выдаетъ сладострастный характеръ его представленій при этомъ зрѣлищѣ.

«Впечатлѣніе, производимое видомъ женскаго бѣлья на вырождающихся, одержимыхъ половой психопатіей, хорошо извѣстно въ психіатріи и часто описывалось Крафтъ-Эбингомъ, Ломброзо и другими изслѣдователями.»

Такое пристрастное, почти враждебное сужденіе объясняется, по нашему мнѣнію, предвзятой мыслью увлеченнаго своей наукой врача-спеціалиста; вѣдь съ такой точки зрѣнія пришлось-бы, въ концѣ концовъ, объявить помѣшательствомъ всякое художественное творчество. Зола постигло только то, что неизбѣжно должно постигнуть всякую тенденцію въ литературной области и въ другихъ: она портитъ произведеніе, она заглушаетъ его, какъ сорная трава, мѣшая его росту и расцвѣту. Такое чрезмѣрное пристрастіе характерно для всякой вообще идейной борьбы, и когда спорные вопросы времени вводятся въ романъ или иное художественное произведеніе,—это, быть можетъ, полезно для выясненія вопроса, но безусловно вредитъ самому искусству.

Въ своемъ послѣднемъ романѣ «Плодовитость», появившемся еще въ XIX столѣтіи, Зола занимается уже упомянутымъ нами вопросомъ о ростѣ народонаселенія во Франціи и рисуетъ въ немъ ужасающія картины нравственнаго оди-

ченія—быть можетъ, и основанныя на дѣйствительныхъ фактахъ жизни, но непригодныя, какъ основные принципы тенденціознаго романа.

Зола ополчается противъ необычайно распространившейся во Франціи практики мальтузіанства, гибельность котораго снова доказала, къ ужасу многихъ, послѣдняя народная перепись; онъ рисуетъ намъ счастье одной многодѣтной семьи, несчастье такихъ, въ которыхъ принимались искусственныя мѣры противъ дѣторожденія; рисуетъ женщинъ, чахнущихъ отъ того, что, во избѣжаніе оплодотворенія, допустили себя кастрировать безсовѣстными врачами и многое, многое подобное.

При чтеніи такого литературнаго произведенія приходитъ въ голову, что романъ вздумалъ считать себя призваннымъ замѣнить собою проповѣдь съ кафедры и вообще претендовать на культурную роль, которой ему играть не нужно, да и невозможно.

Непосредственно послѣ Зола слѣдуетъ назвать Гюи де Мопассана, безвременно умершаго въ лечебницѣ для душевно-больныхъ. Его маленькіе, большей частью, разсказы представляютъ мастерскія, но и отталкивающія порой, описанія разврата.

Можно было бы назвать еще множество другихъ писателей, посвящавшихъ большую часть своихъ крупныхъ талантовъ описанію проституціи, какъ Марсель Прево, Пьеръ Луи и другіе. Послѣдній какъ будто старается дать—въ смыслѣ рискованности сценъ—наиболѣе смѣлое, самое крайнее, что только можетъ выйти изъ-подъ пера.

Немало и дамъ—какъ напр., г-жа Жипъ, Жанна Марни и др.,—спеціализировалась на «описаніяхъ нравовъ» такого рода,—и произведенія ихъ про-

изводятъ порой такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ изо всѣхъ силъ стараются превзойти своихъ собратьевъ-мужчинъ мельчайшими подробностями описаній изъ области проституціи.

На томъ, что помимо этого существуетъ еще довольно обширная порнографическая литература, имѣющая единственной цѣлью щекотаніе чувственности, мы подробнѣе останавливаться не будемъ. Грязныя сочиненія такого рода существовали всегда и ихъ существованіе не слѣдуетъ приводить въ непосредственную связь съ упадкомъ нравовъ.

Изъ числа новѣйшихъ французскихъ лириковъ даннаго направленія слѣдуетъ назвать прежде всего талантливаго, но погибшаго Верлэна, проведшаго нѣсколько лѣтъ своей, теперь уже конченной, жизни въ тюрьмѣ.

«Онъ былъ осужденъ—говоритъ Нордау—при странныхъ обстоятельствахъ. Онъ водился въ Бельгіи съ однимъ молодымъ, тоже полупомѣшаннымъ поэтомъ, Рэмбо, впослѣдствіи погибшимъ гдѣ-то въ южной Африкѣ. Ихъ привязывали другъ къ другу узы противоестественнаго порока. Однажды во время одной яростной ссоры, нерѣдко случающейся между такими друзьями, Верлэнъ нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ Рэмбо и попалъ за это въ руки правосудія. Своеобразный характеръ его вырожденія—это безумнопылкій эротизмъ. Его мысли вѣчно направлены на развратъ, и душа его вѣчно полна сладострастныхъ картинъ».

Не менѣе рѣзко и уничтожающе отзывается Нордау и о всевозможныхъ современныхъ направленіяхъ въ литературѣ и искусствѣ—о парнассцахъ, о декадентахъ, мистикахъ и другихъ сектантахъ, подъ какими бы именами они ни за-

являли о себѣ въ безсильномъ стремленіи создать себѣ извѣстность, рекламу. При этомъ онъ, разумѣется, не ограничивается одной Франціей.

Метерлинкъ, Стриндбергъ и даже Ибсенъ — на всѣхъ онъ смотритъ, какъ на умственно и морально вырождающихся. «Женщина у него не знаетъ никакихъ обязанностей и имѣетъ всѣ права»—говоритъ онъ о мятежныхъ женскихъ образахъ Ибсена, такъ страстно и беззавѣтно ломающихъ старые подгнившіе устои, цѣною всего собственнаго покоя и счастья—и не обинуясь объявляетъ ихъ почти всѣхъ нимфоманками.

Съ неменьшей безпощадностью обрушивается онъ и на Фридриха Ницше и на Рихарда Вагнера, все такъ же перемѣшивая вѣрное съ ошибочнымъ.

Съ большей силой говоритъ онъ о порнографической литературѣ, обо всей этой «барахтающейся и захлебывающейся въ навозѣ свинской шайкѣ профессіональныхъ порнографовъ.»

«Эти не могутъ претендовать и на ту долю состраданія, которой все-таки заслуживаютъ вырождающіеся, какъ больные,—потому что эти добровольно выбрали свое низкое ремесло и занимаются имъ изъ корысти, изъ тщеславія, изъ презрѣнія и ненависти къ труду. Это систематическое взвинчиваніе чувственности наноситъ тѣлесному и духовному здоровью отдѣльныхъ лицъ самый тяжкій вредъ,—и все ваше общество, состоящее изъ индивидуумовъ съ перераздраженнымъ половымъ инстинктомъ, утратившее всякую власть надъ собой, всякую нравственность, всякій стыдъ, идетъ на встрѣчу неминуемой гибели, потому что оно слишкомъ отупѣло и слишкомъ обезсилѣло для осуществленія какихъ-либо серьезныхъ задачъ.

Порнографъ засоряетъ и изсушиваетъ живые источники жизни грядущихъ поколѣній. Нѣтъ и не было болѣе тяжелаго труда для цивилизаціи, чѣмъ обузданіе похотливости—и порнографъ старается ограбить у насъ плоды этихъ жесточайшихъ усилій человѣчества. Къ нему мы не можемъ и не должны имѣть никакой пощады».

Какъ бы кто ни относился къ такимъ рѣзкимъ выраженіямъ, — искренность этого негодованія должны признать всѣ и справедливость и полезность такого осужденія также признаютъ многіе.

Парижская ежедневная пресса заслуживала издавна и заслуживаетъ и до сихъ поръ упрекъ въ неблаговидномъ—а вслѣдствіе ея распространенности, и очень вредномъ—кокетствѣ съ вопросами проституціи; надо принять во вниманіе, конечно, что ежедневная пресса не можетъ не отражать всѣхъ взглядовъ и намѣреній, которые повседневная жизнь выноситъ на поверхность; но фактъ таковъ, что въ названномъ грѣхѣ повинна даже самая приличная часть прессы. Замѣтимъ при этомъ, что существуетъ нѣсколько газетъ, почти исключительно занимающихся безнравственными темами, такъ что названіе «проституціонной прессы», присвоенное этимъ органамъ, не противорѣчитъ истинѣ.

Но не одна литература обнаруживала въ эпоху второй имперіи тѣсную близость къ проституціи, а и карандашъ и кисть тоже и даже пластическое искусство не совсѣмъ было свободно отъ этого упрека. Слишкомъ часто карандашъ выражалъ и еще до нынѣ выражаетъ такія безстыдныя вещи, передъ которыми блѣднѣетъ самый разнузданный языкъ—и нерѣдко при этомъ приходится отмѣтить съ сожалѣніемъ, сколько таланта швыряется такимъ образомъ въ уличную грязь.

Даже самое наивное и чистое изъ искусствъ, о которомъ существуетъ убѣжденіе, что оно не способно выражать низменныя чувства—музыка,—и она является во время имперіи знаменоносцемъ проституціи. Оперетка, творцомъ и мастеромъ которой считается Жакъ Оффенбахъ, можетъ быть по справедливости названа проституціей въ звукахъ,—и дѣйствительно, съ того момента, какъ она начала не вполнѣ заслуживать это названіе, интересъ къ ней падаетъ и увлеченіе ею ослабѣваетъ.

Мы снова вернулись такимъ образомъ, къ театру, который,—независимо отъ характера пьесъ, о чемъ у насъ уже была рѣчь,—искони стоялъ, къ сожалѣнію, въ самой тѣсной связи съ проституціей. И не только благодаря тому, что не одна звѣзда, взошедшая на ночномъ небѣ сцены, явно попадала (и еще и нынѣ часто попадаетъ), вслѣдствіе своего образа жизни, въ число проститутокъ; дѣло еще въ томъ, что обстоятельства такъ сложились,—особенно во время второй имперіи,—что принадлежность къ сценѣ и проституція, насколько это касается женскаго персонала, стали почти тождественными понятіями.

Большая часть поступающихъ на сцену женщинъ оказывается заранѣе обреченной на подобный промыселъ, и даже тѣ изъ нихъ, которыя занимаютъ самыя выдающіяся мѣста,—потому что къ нимъ предъявляются такія требованія въ отношеніи туалетовъ, для удовлетворенія которыхъ ихъ честный заработокъ представляетъ до смѣшного ничтожную сумму. Нѣкоторые директора театровъ даже поощряютъ проституцію служащихъ у нихъ актрисъ и извлекаютъ изъ этого финансовую пользу для себя.

«Жрицы Таліи — говоритъ Веберъ-Демо-

критъ—издавна извѣстны какъ истинныя жрицы. Венеры, которая доставляетъ имъ и лучшій хлѣбъ Одну 83-хъ лѣтнюю театральную принцессу спросили: «Да когда же наконецъ, утихаютъ любовныя клонности у вашего пола?»—«Ну, объ этомъ вамъ надо спросить кого-нибудь постарше»,—отвѣтила она. Въ сущности, онѣ угасаютъ тогда, когда совершенно притупляется оружіе туалета и увядаетъ побѣдный вѣнокъ гимнастики,—а избранницы находятъ еще и тогда рессурсы. Обыкновенно ножны изнашиваются отъ шпаги, а здѣсь наоборотъ: онѣ жирѣютъ, какъ откормленные гуси и походятъ на вампировъ, высасывающихся кровь у спящаго, нѣжно обвѣвая его при этомъ крыломъ,—или на удобреніе мергелемъ, изсушающее почву вмѣсто того, чтобы утучнить ее.

«Такія театральныя принцессы мѣняютъ любовниковъ, какъ бѣлье,—и одна изъ нихъ, попавъ однажды въ руки разбойниковъ и будучи опозорена ими, отвѣтила на вопросъ: «что же вы сказали во время этого печальнаго происшествія?—«Rien que mon cher voleur».

«Знаменитая Воффингтонъ особенно блестяще играла въ одной пьесѣ мужскую роль. Однажды, прибѣжавъ за кулисы подъ громъ рукоплесканій, она сказала со смѣхомъ Кину: «Полгорода принимаетъ меня дѣйствительно за мужчину»! Кинъ невозмутимо отвѣтилъ: «Зато другая половина знаетъ навѣрное, что вы женщина».

«Одинъ англичанинъ написалъ одной парижской оперной пѣвицѣ: «Предлагаю вамъ пятьдесятъ луидоровъ ежемѣсячно на все то время, пока вы пожелаете остаться добродѣтельной; но если-бы случайно вамъ пришла фантазія измѣнить свое рѣшеніе,—я прошу о предпочтеніи и

удвою вашу пенсію». Тронутая благородствомъ и великодушіемъ британца, она поспѣшила въ слѣдующій же мѣсяцъ вступить во владѣніе двойной пенсіей».

«Состояніе нравственности во Франціи,—говоритъ одинъ изслѣдователь, Отто Генне,—свидѣтельствуетъ о крайнемъ разложеніи. Ни въ какой другой странѣ не встрѣчаются такія отвратительныя и ужасающія явленія, какъ здѣсь. Въ улицѣ Дюфо въ Парижѣ проживала одна особа—госпожа Леруа, спеціальность которой состояла въ томъ, что всякій щедро заплатившій мужчина, могъ найти въ ея роскошно обставленномъ будуарѣ любую даму, какой онъ только пожелалъ обладать; хитростью или насиліемъ, но она заманивала къ себѣ какую угодно даму и предоставляла ее въ распоряженіе заказчика». Противъ нея было возбуждено слѣдствіе, но знаменитый полицейскій префектъ Луи Андріе сумѣлъ замять скандалъ, потому что въ немъ оказались замѣшанными многія высокопоставленныя лица. Къ ихъ числу принадлежалъ и генералъ Ней, внукъ маршала Нея, который въ страхѣ передъ разоблаченіями, лишилъ себя жизни».

Авторъ напоминаетъ также о чудовищномъ скандалѣ, разразившемся въ Бордо, при которомъ оказалось, что дѣти доктора Дельмона—двѣнадцатилѣтняя дѣвочка и десятилѣтній мальчикъ—долго служили удовлетворенію гнусныхъ желаній нѣкоторыхъ развратниковъ: прислуга уводила ихъ для этого каждую ночь въ то время, когда несчастные родители крѣпко спали подъ вліяніемъ подсунутыхъ имъ прислугой наркотическихъ средствъ.

Преступники понесли очень легкое наказаніе. Спустя немного времени, возникъ въ томъ же

городѣ еще одинъ подобный процессъ, но молодые развратники принадлежали къ семьямъ высшаго круга—и процессъ кончился для нихъ смѣхотворно ничтожнымъ денежнымъ штрафомъ. Это въ республикѣ,—передъ законами которой всѣ граждане равны! Въ Ліонѣ была также обнаружена женщина-гадальщица Мэгръ—сама предавшая позору собственную малолѣтнюю дочь, а потомъ заманивавшая съ ея помощью другихъ маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ также отдавала на жертву развратникамъ.

Много гнусностей и насилій имѣли на своей совѣсти чины полиціи. Такого-то рода продѣлки и были причиной того, что въ 1881 году полицейскій префектъ Андріе былъ, наконецъ, смѣщенъ. Его мѣсто занялъ нѣкій Камескассъ, который намѣревался было вначалѣ позаботиться объ улучшеніи нравственности и даже попытался было смѣстить полицейскихъ оказавшихся виновными въ преслѣдованіи и незаконномъ задержаніи порядочныхъ женщинъ,—но ему были сдѣланы надлежащія внушенія, и онъ вскорѣ сталъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Андріе.

Въ 1884 году, послѣ рѣзкаго столкновенія съ городскими гласными, пришлось выйти въ отставку и Камескассу, но и послѣ него обстоятельства не измѣнились къ лучшему По словамъ Отто Генне, нигдѣ проститутки не коснѣли въ такомъ возмутительномъ рабствѣ и нигдѣ не были такъ ужасно негарантированы отъ преслѣдованія женщины, произвольно подозрѣваемыя въ проституціи, какъ во французской республикѣ. И такіе порядки существовали не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи и въ ея колоніяхъ.

Аналогичные порядки наблюдаются, впрочемъ, во всѣхъ большихъ городахъ. Всюду бываютъ случаи, когда негодяи выдаютъ себя за полицей-

скихъ или агентовъ полиціи нравовъ и оказываютъ, такимъ образомъ, насиліе надъ женщинами. При организованной въ Парижѣ въ 1891 году облавѣ были задержаны въ теченіи одного мѣсяца 290 подобныхъ субъектовъ, среди которыхъ оказались и сутенеры.

При этомъ оказалось, что существующихъ законовъ было недостаточно для надлежащаго наказанія подобнаго сброда; въ виду этого былъ изданъ новый законъ, угрожавшій такимъ преступникамъ болѣе строгими наказаніями, чѣмъ до тѣхъ поръ. Но и отъ этого положеніе дѣла не улучшилось. Разумѣется, все это доказываетъ только то, что корень зла надо искать въ другомъ мѣстѣ и поглубже и что искоренить его такими мелкими мѣрами невозможно.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ современнаго состоянія проституціи въ Бельгіи, которая можетъ быть сопричислена въ этомъ отношеніи къ Франціи. Какъ и во Франціи, главное вниманіе должно быть сосредоточено на столицѣ (Брюсселѣ), которая и въ Бельгіи, какъ и почти повсюду, служитъ и на этомъ пунктѣ примѣромъ, достойнымъ подражанія для провинціальныхъ городовъ.

Цитированный уже нами историкъ культуры, Отто Генне разсказываетъ чудовищныя вещи о формахъ и развитіи проституціи въ Бельгіи. Въ январѣ 1874 года британскій консулъ въ Антверпенѣ обратился съ телеграммой къ своему правительству, въ которой сообщаетъ, что двѣ молодыя англичанки были обмануты голландцемъ, по имени Клибергъ: подъ предлогомъ устроить ихъ на приличныхъ мѣстахъ, онъ заманилъ ихъ въ Дюнкирхенъ и тамъ продалъ ихъ содержателю публичнаго дома по 250 руб. каждую.

По жалобѣ родныхъ, консулъ произвелъ разслѣдованіе, причемъ изъ показаній дѣвушекъ выяснилось, что Клибергъ добился внесенія ихъ въ полицейскій списокъ проститутокъ съ помощью подложныхъ документовъ, такъ какъ дѣвушки были моложе 21 года. (При разслѣдованіи оказалось, что такія вещи практиковались нерѣдко.) Консулу удалось освободить обѣихъ дѣвушекъ и отправить ихъ на родину

Черезъ нѣсколько дней Клибергъ появился въ Дюнкирхенѣ съ двумя другими молодыми англичанками, намѣреваясь и съ ними такъ же поступить. Вмѣшательство консула привело къ аресту Клиберга и онъ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Это уже подало поводъ къ разслѣдованію его прошлаго и къ тщательному надзору за нимъ по отбытіи имъ наказанія—и когда оказалось, что онъ продолжаетъ свой безстыдный промыселъ, онъ былъ снова осужденъ.

Въ сентябрѣ 1876 года британскій посланникъ въ Брюсселѣ получилъ письмо, авторъ котораго сообщалъ, что какой-то господинъ и какая-то г-жа «Клибургъ» (Clebourg вмѣсто Klyberg) сманили изъ Лондона въ Брюссель его сестру и еще другую дѣвушку, подъ предлогомъ доставить имъ мѣста, на дѣлѣ же для помѣщенія ихъ въ публичный домъ. Свѣдѣніе по провѣркѣ оказалось вѣрнымъ, дѣвушекъ разыскали и возвратили въ Англію.

Въ 1877 году полиція нашла при обыскѣ одного дома, въ который Клибергъ доставилъ англійскую дѣвушку, шесть писемъ его къ содержателю публичнаго дома. Въ этихъ письмахъ, начинающихся дружескимъ обращеніемъ и заканчивающихся поклонами отъ жены и женѣ, сообщается объ имѣющихся въ виду «отличныхъ

экземплярахъ» дѣвушекъ, назначается цѣна въ 150 франковъ «за штуку» на мѣстѣ или въ 300 франковъ съ доставкой въ Остендэ, разсказывается о конкурентѣ содержателѣ, предлагающемъ по 300 фр. безъ доставки, но «я отвѣтилъ ему, что не желаю имѣть дѣла съ такимъ сбродомъ, какъ онъ»... «вы знаете, я вамъ хорошо служилъ всегда и желаю и впредь хорошо служить»...

«Пріѣзжайте во вторникъ, вы застанете меня въ Лондонѣ, товаръ будетъ готовъ къ вашему пріѣзду и вы можете въ тотъ же вечеръ захватить его съ собой. Ручаюсь вамъ, что это обойдется вамъ вдвое дешевле, чѣмъ съ доставкой на домъ. У меня есть красивая высокая брюнетка съ превосходными зубами, съ безукоризненнымъ бюстомъ,—словомъ, красивая женщина и добрая дѣвушка. Жена моя держитъ ее у себя уже три недѣли. Есть еще и высокая блондинка, если у васъ найдется для нея мѣсто. Самъ я пріѣхать, къ сожалѣнію, не могу,—у меня дѣла въ Голландіи. Мнѣ предлагаютъ пріобрѣсти домъ въ Лейденѣ; хотѣлось бы поговорить объ этомъ съ вами. Сара, которая содержитъ домъ въ Амстердамѣ, очень проситъ двѣ штуки для себя и два другіе дома также требуютъ товара, а когда я самъ сниму этотъ домъ въ Лейденѣ, то мнѣ товаръ для себя потребуется. Я обзаведусь въ Лондонѣ своей квартирой, куда я могъ бы заѣзжать и завозить дѣвушекъ».

«Полиція публичныхъ притоновъ (говоритъ Отто Генне, страстный противникъ системы публичныхъ домовъ),—я говорю преимущественно о брюссельскихъ,—такъ нѣжно заботится о благѣ своихъ богатыхъ и щедрыхъ любимцевъ, что разрѣшаетъ «пріютъ» дѣвушекъ въ эти «офиціозныя» заведенія не иначе, какъ послѣ

врачебнаго освидѣтельствованія. Но какова же эта заботливость на дѣлѣ? Сплошь и рядомъ достаточно, чтобы освидѣтельствованіе произвелъ любой частный врачъ, или какой-нибудь коновалъ, именующій себя врачомъ, или даже какая-нибудь мегера—формальность спѣшатъ исполнить какъ-нибудь, только бы столковаться о цѣнѣ и завершить сдѣлку. Клибергъ пишетъ своимъ «покупателямъ»: «Они всѣ у меня дома, совершенно готовы и освидѣтельствованы» или: «моя жена освидѣтельствовала ее, она вполнѣ здорова»...

Мадамъ Парадизъ (хорошенькое имя для вертепа, служащаго «раемъ» развратникамъ), владѣлица одного извѣстнаго въ Брюсселѣ дома, заявила съ циничной откровенностью на судѣ: «Мнѣ часто случалось самолично производить освидѣтельствованіе дѣвушекъ, которыхъ мнѣ доставлялъ «placeur», въ особенности, если онъ спѣшилъ получить деньги и уѣхать, не имѣя времени дожидаться, пока я позову врача». И эта якобы санитарная мѣра приводила только къ тому, что эти «поставщики» душепродавцы предпочитали вербовать свой «товаръ» среди завѣдомо честныхъ дѣвушекъ, чѣмъ въ кругу женщинъ, уже предающихся позору...

За этой комедіей слѣдуетъ комедія законнаго пріема дѣвушки въ домъ. Предполагается, что дѣвушка должна для этого подать формальное и добровольное прошеніе о своемъ желаніи поступить въ проститутки, приложить къ нему метрическое свидѣтельство и подвергнуться допросу со стороны комиссара бюро. На дѣлѣ же все сводится къ пустой и безчестной комедіи. Дѣвушки по пріѣздѣ обыкновенно не знаютъ ни слова по-французски и не могутъ понять значенія всей процедуры. Требуемое прошеніе и

метрическое свидѣтельство фабрикуются содержателемъ дома или «гувернанткой» (надзирательницей дома), они же сопровождаютъ дѣвушку въ бюро и служатъ переводчиками между проданной несчастной и полицейскимъ чиновникомъ, который въ свою очередь не понимаетъ ни слова по-англійски. Полицейскіе чины сами засвидѣтельствовали истинность этого порядка передъ судомъ.

Во Франціи, въ Бельгіи и въ Голландіи закономъ строго запрещено зачислять въ проститутки дѣвушекъ моложе 21 года. Въ Брюсселѣ было въ 1879 году 13 случаевъ судебнаго преслѣдованія за допущеніе дѣвушекъ, не достигшихъ этого возраста, и 12 изъ нихъ кончились осужденіемъ привлеченныхъ; въ 1880 году 12 случаевъ и всѣ съ осужденіемъ въ результатѣ; въ 1881 къ суду было привлечено 12 человѣкъ и 10 изъ нихъ осуждено и т. д. Но несмотря на всю строгость закона и опасность риска, содержатели продолжаютъ изъ выгоды привлекать болѣе молодыхъ, потому что ихъ легче обмануть, обойти, онѣ уступчивѣе и покорнѣе, менѣе притязательны и больше отвѣчаютъ спросу.

Въ числѣ документовъ, имѣвшихся въ распоряженіи вышеупомянутаго автора, былъ списокъ изъ 33 дѣвушекъ, которыя были подложно записаны за время 1871—1879 гг. въ Лиллѣ, Дюнкирхенѣ, Руанѣ, Валансьенѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ, Гаагѣ и Роттердамѣ подъ чужими именами и въ ложноопредѣленномъ возрастѣ, будучи въ дѣйствительности—одна 14 лѣтъ, три 15, остальныя отъ 16 до 20. Во Франціи, въ Бельгіи и въ Голландіи метрическія свидѣтельства, по законамъ этихъ странъ, достать нелегко и оттого трудно и воспользоваться ими обманно. Въ Англіи же очень легко получить за

3 шиллинга 7 пенсовъ метрическую выписку и ихъ легко поддѣлать. Иногда мошенникъ-поставщикъ обходится даже безъ подлога, склоняя дѣвушекъ добывать свидѣтельства своихъ старшихъ сестеръ и воспользоваться ими для себя. Иногда онъ подчищаетъ цифру года рожденія. Иногда просто добываетъ свидѣтельство какой-нибудь дѣвушки старше 21 года, или же, если случается, что дѣвушка замѣчаетъ обманъ своевременно и отказывается послѣдовать за негодяемъ, онъ удерживаетъ ея свидѣтельство и потомъ пользуется имъ для другихъ.

Многое и многое еще можно было бы привести изъ этой печальной и ужасной области зла, преступленій и злоупотребленій, потому что тема эта,—проституція и все, что съ ней сопряжено,—къ сожалѣнію, неисчерпаема, въ особенности по отношенію къ Франціи. Было бы, однако, несправедливо и ошибочно взваливать на эту страну и ея столицу отвѣтственность за все зло проституціи, за пороки и излишества, за ея усиленіе и распространеніе. Мы старались выяснить основаніе и причины, на которыхъ покоилась и еще донынѣ покоится передовая роль всемірнаго города Парижа въ этой области,—намъ хочется сказать въ заключеніе: всякій, кто свободенъ отъ національныхъ предразсудковъ, кто знакомъ съ состояніемъ нравовъ всюду и умѣетъ глубже вникнуть въ преданія прошлаго,— тотъ будетъ остороженъ въ судѣ и осужденіи и придетъ, въ концѣ концовъ, къ признанію старой, вѣчной истины: всѣ мы грѣшны!

Конецъ.